

ОМЕНА

ИЗДАТЕЛЬСТВО «ПРАВДА»

№ 5 МАРТ 1967

ПЯТИДЕСЯТЫЙ ГОД ОКТЯБРЯ

9. «НАША ПРОГРАММА» (1899—1900)

Существует марксистская идея, существует марксистская тактика, существует марксистский характер. Марксистский характер был в Ленин, которому всякий из нас должен посылать подражать. Он состоял из разума, хладнокровия, как лед, и из сердца, пламенного и бурного.

А. Луначарский

Последний — 1899-й — год девятнадцатого века — последний год ленинской мысли. Год окончания «чертежной» работы над книгой о развитии капитализма в России. Год новых идейных боев с ревизионистами. Год всестороннего продумывания плана организации партии рабочего класса. А начал его Ленин среди друзей — в Минусине.

«Новый год среди товарищей»

З января 1899 года Владимир Ильич сообщает родным.

«Вчера вернулись мы с Надей из Минусы, дорога мамочка, где провели неделю у Глеба и Валики очень весело и встречи Новый год среди товарищей. Тостов при встрече Нового года была масса, и особенно горячо встречен был тот одо товарища «за Эльвиру Зринатовну и за отсутствующих матерей».

Вплоть возможно, что «одним товарищем», присутствовавшим мать «Глеба» (Крижжановского) и тещу «Валики» (Старова) — Эльвиру Розенберг — был сам Владимир Ильич. Подобное описывает новгородскую встречу Надежды Константиновны, союда Марии Александровны, что праздники они «прошли в Минусе отлично, встречались надолго. На рождество в город съехались почти все огуры», и Новый год встречали большой компанией, «встретили очень весело». «Сварили глantzей», — рассказывает Крупская, — когда он был готов, поставили стелузу на 12 часов и проводили старый год с чеством, pezzi esse, кто из города, проводившая вполне хорошие тосты, «за матерей», «за отсутствующих товарищей» и т. д., а в

Из книги В. Яковлева «ЛЕНИН. СТРАНИЦЫ АВТОБИОГРАФИИ». Начало см. «Смена», 1960, №№ 21—24, 1967, №№ 1—4.

конце концов плашали под гитару... Володя с утра до вечера сваялся в шахматы... всех победил, конечно, попались на коньках (Володе прислали из Красноярска в подарок коньки Мерурия, на которых можно «гитачить» и всякие штуки делать...) — pezzi хором, даме попались на трюфель! Зато и увидели же мы коней! Они сами признавались, что если бы еще один такой день, они все бы полегли...»

В том же письме Надежда Константиновна пишет о напрасном возмущении Анны Ильичичны тем, что она дала свои письма «на редакцию» мужу. «... в большинстве случаев списываю нашу шунескую жизнь в шуточном тоне, и в них немало достается и Володе, ну в таких письмах и не стала бы писать, не дал ли ему предвзятости прочитать». Владимир Ильич все собирался письма Крупской его родным читал и даже «редактировал». Вот почему вполне можно признать, не для комментирования нередко ступаются даже на страницы в строк его автобиографии...

Две недели спустя Крупская пишет Марии Ильичичне: «...надо тебе рассказать, как мы рождество провели. Очень весело. В город съехались все огуры... В Шуне у нас народу мало, так приятно было очень на людях побывать. Время проводили совсем по-праздничному: натерли на коньячок, меня совсем осмеяли, но после Минусы у успехи сделала. Володя вывел из Минусы ценную книгу коньяковых шутки и теперь порывает шунеские иголки «гитачиными шагами» да испанскими пражками». Другое развлечение было — игра в шахматы. Играли буйвально с утра до вечера. Еще пели, по-польски пели и по-русски. У Валики Васильевна (Старова) гитары, так пели под аккомпанемент гитары. Читали также, ну и болтали вдоволь. Особенно хорошо встречали Новый год (между прочим, Володе качали, я первый раз видела эту процедуру и поспеяла «вдоставлять»). Ряд детских встреч воссоздал и воспоминания Пантелеимоны Лепешинского, который впервые увидел Владимира Ильича лишь в самом конце 1898 года — в Минусине. Сразу же, чуть ли не через полчаса после первых минут встречи, он в себе надежду половить «на лопаты» нового противника. Но и первую, и вторую, и третью, и четвертую партии подряд он проиграл, после чего должен был смиренно признать «явное превосходство своего противника» («спасает Владимир Ильич» с компенсацией) — уступкой в начале игры слова или кони... Выт, может, именно о минусинской встрече своего противника вспоминает Владимир Ильич, когда почти два десятилетия спустя, уже в Смоленск, Лепешинский снова встречается с ним и спрашивает:

«А что, Владимир Ильич, — по сыграл ли нам как-нибудь в шахматы, а? Помнится старое-то времена? Боясь мой, какой неселый зырок расчитного хохота удалось мне исторгнуть своей фразой из

губы Ильича? — воссознать немужает... Его глаза перестали смотреть вдаль и привычно задунывались, оглядывая того чудака, который так «во время» упоминали о шахматах».

Нет... сказал Ленин, наконец, серьезно, не могу вспоминать об охватившего его сема... Теперь уже до шахмат. Играть больше, вероятно, не придется.

«Что доказывал и доказал Ильин...»

В январе 1899 года Ленин заканчивает подготовку и печати книги «Развитие капитализма в России». В декабре 1898 года он пишет Елизавету: «... «старый черновик «Развития» я маза и со-мражал самым беспощадным образом. В написанном тогда предисловии и первую надвию книги Владимир Ильич заводит.

В предлаговой работе автор заданс целью рассмотреть вопрос: как складывается внутренний рынок для русского капитализма? Известно, что вопрос этот поставлен уже давно главными представителями народнических воззрений, и наша задача будет состоять в критике этих воззрений. Мы не считали возможным ограничиться в этой критике разбором ошибок и несправностей во взглядах противников; нам казалось недостаточным для ответа на поставленный вопрос привести факты, говорящие об образовании и росте внутреннего рынка, но могло бы явиться возмущение, что такие факты выбраны произвольно и отлучены факты, говорящие против. Нам казалось необходимым рассмотреть и попытаться изобразить весь процесс развития капитализма в России в его целом.

Летом 1907 года Владимир Ильич пишет в предисловии ко второму изданию «Развития капитализма»:

«Настоящее сочинение написано в период на-чалу русской революции, во время некоторого за-тупления, которое наступило после взрыва крупных стачек 1895—1896 годов. Рабочее движение тогда как бы ушло в себя, распространилось шире и глубже, и подготовка начала демонстрационного движения в 1901 году.

Тот анализ общественно-хозяйственного строя и движения, начатого в строение России, который дан в настоящем сочинении на основании экономического исследования и критического разбора открытым политическим выступлением всех классов русского общества, вполне обнаружилось и то, что его сила в историческом движении неизмеримо более, чем до дела в общей массе населения. Экономическая основа того и другого явления до-казана в предлаговой работе... Предлаговое чи-тателю сочинение посвящено малую правдо-любойной экономии России... не настало еще

Пролетарии всех стран, соединяйтесь!

Менделеев

ЛИТЕРАТУРНО — ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ И ОБЩЕСТВЕННО-ПОЛИТИЧЕСКИЙ ЖУРНАЛ ЦЕНТРАЛЬНОГО КОМИТЕТА ВЛКСМ

Год издания сорон четвертый
Выходит два раза в месц

МАРТ 1967

5

[9551]

время да и непосредственные партийные обязанности участника рабочего движения не оставляют досуга для полной переработки настоящего сочинения. Автор вынужден был ограничиться просмотром и исправлением текста, а также самым необходимым дополнением из новейшего статистического материала...

В письме к Ивану Сибирцову Степанову Владимир Ильич зимой 1900 года снова определяет содержание и направление своего труда...
— Что доказывал и доказал Ильич? Что развитие аграрных отношений в России будет капиталистическим и в помещичье хозяйство «крестьянским» — вне и внутри «общины». Это раз. Что это развитие уже бесспорно определенно не иной путь развития, как капиталистический, не имеет альтернативы классам, как капиталистическую, это два.

И-за этого был спор с народниками. Это надо было доказать. Это было доказано. Это остается доказанным... Когда мы боремся с народниками на доказательство того, что этот путь неизбежно и бесспорно — капиталистический, мы были вполне правы и мы не могли и не сордидовать себя своим исчерпывающим анализом капитализма и «народное производство». Это было и естественно, и неизбежно, и закономерно. И, по этому

Когда Владимир Ильич назвал Сальнику фамилию проронора, тот вспомнил, что это его товарищ-эмигрант, так сказать, «приятель». Владимир Ильичу, правда, пришлось «смириться» потому что думается, но знаю, надо мной ли, или над всем происходящим...

«Приятелем» Сальника будущий менишевский проронор стал в свое Тесесовском, где неведомо откуда был михулинский редактор, переписавший много лет спустя ленинский расказ, но когда в начале 1900-х годов Сальника в Ленинград привел Юб. Об этом свидетельствует, в частности, фрагмент воспоминаний Эрнста Юльевича, который больше овладел Владимиром Ильичем — итернере, тем больше врался он на работу. А тут еще нагрянули с обласком. Переписывать у кого-то митинги письма Ляховского к Владимиру Ильичу в письме было нехорошо. Переписывать у моего соседа, маэдрам придрались к случаю, чтобы учиться обласк. Письмо оно нашла, оно оказалось очень интересным перепиской переписку... и тоже ничего интересного не нашла. По старой привычке, переписывая Эрнсту Юльевичу, переписку переписку мы держали обласк. Правда, она являла на вид очень плохой. Владимир Ильич посылал маэдрамам стужу, чтобы они начали обласк с верхних полов. Где стояли разные статистические сборники, а они так уехали, что неважно по-

падает в городе Верхотурье. Ближайшим предлогом переписки слугила смерть товарища Николая Барфосова Фодосева. Ляховский писал мне о подробности события и о постановке повязки на могиле покойного. Письмо это передало мне Готтесману в Ленинград. Письмо это я получила в первых числах декабря прошлого, 1898 года, что является до меня Зобнина, то эту фамилию и слышу в первый раз.

Иван Зобнин, обласк у которого и послужил поводом для доставки Владимира Ильича — казачин, ослушавший по делу о революционном кризисе Фодосева. Этот кризис, впрочем, как «его» фамилия, но на конституционных соображениях отрицает это.

«Протест российских социал-демократов»

В августе Ленин пишет «Протест российских социал-демократов», направленный против манифеста идеологов «экономизма», усложняющего и конституционной переписке Владимира Ильича со

Публицистический рабочий Оскар Онгберг — товарищ Владимира Ильича по ссылке.

крайнему разумению, Ильич был прав, когда в предисловии ко второму изданию книги указал, что из нее не вытекает возможность двух видов капиталистического аграрного развития и что историческая борьба этих видов еще не окончена.

Обыск в Шушенском

2 мая в Шушенское приезжает из Митусинского маэдрамский подполковник. Охраняя, установив переписку Ленина с другим сосланным, Яковом Ляховским, пытается обнаружить в доме государственного преступника новую «иррацию». Михаил Ильич сивает всякого внимания на вопросы капиталиста к Владимиру Ильичу с краткими ответами.

— У него было обласк, вызванный переключением даче писателю.

— Обласк производили ротмистр и проронор, добродушный талант, удивлявший ретного маэдрама. Хотел, чтобы обласк легально, обласк не дал никаких результатов и не имел последствий. Тут была нечестная случайность, но проронор объяснил и тому, что Владимир Ильич был бы арестован, его работы перебрали, сам бы был выслан куда-нибудь в Якутию с удалением своей семьи.

В маэдрамской комнате между столешкой и спальными столами небольшой книжный шкаф, за стеновыми дверями которого находились разные книги.

— Ротмистр их долго переискали, а затем хотел перебрать и осмотру маэдрамского шкафа с деревянными дверцами, где была сложена вся... маэдрамская и «неудобная» переписка, но проронор остановил его, сказав, что это лишнее, что очевидно, ничего нового это осмотру не даст, что в шкафу находится только научные книги и серьезные сочинения русских, а так как время позднее, то надо кончить. Маэдрам не возражал, кончая, «внесшие на митинге, воздушно летя-

В. И. Ленин и Н. К. Крупская в Шушенском. Картина художника А. Гюгосова.

ку и смотреть не стали, удовлетворившись моим заявлением, что там лишь моя недостоверная библиотека. Обласк сошел благополучно, но боязно было, чтобы не воспользовались предлогом и не напустили еще несколько лет осмысла...
Приведенный Сальником ленинский расказ отвергает версию, которую, видимо, по ошибке памяти, воспроизвел Александр Шаповалов. По его утверждению, этот дневной обласк происходил среди глубокой ночи, а «интеллигентная Ленинка» хранилась почему-то «в горнице из-под мебели, за выключенной лампой». Шаповалов не упоминает, что Ленин сказал о чрезвычайной неприятных последствий, связывает все это с его выключением в ночь на 1 мая, а «интеллигентная Ленинка» хранилась в выключенной ее матери — Елизаветы Ивановны, которая в то время жила в Шушенском (в два часа ночи), «развела огонь на кухне... немедленно согрела все содержимое», «подняла» скомандован, при президентии книги А. С. Шаповалова в 1957 году досадные неточности не были

Кроме ленинского расказа, в передаче Сальника сохранился и документ, который точно устанавливает время всех действительных лиц маэдрамской комедии, которая чуть было не обернулась для Ленина и Готтесмана новой драмой. Ленин собственноручно ответил на вопросы маэдрамского подполковника, который в то время начальником Енисейского губернского землевладельского управления по Митусинскому и Ачинскому уездам меня Владимир Ильич Ульянов, от роду моего 29 лет, звание мое помещица присяжного поверенного, истинное имя в селе Шушенском. На предлодение мне вопросы объяснил, что влечу у меня письмо со штампом в городе Иркутске от ноября 1898 года, посланное на мое имя маэдрам, страшно ссыльным по политическому делу Якова Ивановича Ляховского, который «слал» был из Петербурга одновременно со мной и про-

старшей сестрой «Стеда» («Веруру»). В середине августа совмещая сосланных социал-демократов обсуждают и подписывают ленинский протест в селе Ермаковском, на квартирах Лепетинских и Ванюковых. О слове «Протест» Ленин пишет в «Что делать?»:

— «Стеда» не было выдумано, но оно было опубликовано по моему воле, и может быть, даже против воли его автор. По крайней мере, пишущему эти строки, который принимал участие в назначении на свет новой «программы», приходится слышать жалобы и упреки по поводу того, что «Стеда» и пошло дано в печать вместе с протестом. Мы насмеемся этого злодея, потому что он скрывает очень любопытную черту нашего «экономизма»: боязнь гласности. Это именно черта «экономизма» вообще, а не только автор «экономизма», и «Рабочий Делю» (возмущаясь опубликованием «экономических» документов в «Впередисте» («Путеводителе») и Ивневский комитет, не помещая вопроса, проекта организовать революцию на опубликование своего «Profession de fof» («Смело вперед») вместе с манифестом против него опровержением, и многие, многие отдельные представители «экономизма».

Эта боязнь критики, проявляемая сторонниками свободы критики, не может быть объяснена одним лукавством (хотя не-тогда, несомненно, не обиделись и без лукавства, бесчестливо открывая для натиска протитанов неопределенные еще ростки нового натурализма). Нет, боязнь «экономизма» совершенно искренно смотрит (и, по самому существу «экономизма», должна смотреть) с надоборательством на все теоретические споры, фракционные разногласия, широчные политические вопросы, проекты организовать революционеров и т. п. «Сдать бы все это за границу» — сказал мне однажды один из дождливых последователей «экономизма», и он выразил эти мысли распространением (и оплать-таки, чисто традиционной) возмущения: «наше дело — наше дело, рабочие организации здесь в нашей местности, а всталые» — выдумки докторов, «пересечение идеологии».

1917-1967

«Ну-ка, солнце, ярче брызми...» И солнце, словно повинуясь настойчивой песне, в то майское утро 1938 года щедро заливало светом Красную площадь и четкие шеренги физкультурниц.

Можно ли восемнадцатилетней девушке поступить на судоводительское отделение морского техникума? Сейчас, может быть, этот вопрос не вызовет большого недоумения, а сорок два года назад это было сенсацией. Дочь потомственного рыбака Аня Шетинина доблела своего — стала капитаном дальнего плавания, первой в мире женщиной-капитаном.

Однажды, когда судно шло в иностранный порт, Шетининку окружали репортеры. Все маршалали сомнения:

— Ее большевики для агитации послали. Какой она моряк! Совсем девочка. Наверное, жена капитана.

Но стоило Шетининой появиться на капитанском мостике, как все сомнения исчезли. В познании своего дела ее не мог бы упрямить самый искусный «морской волк».

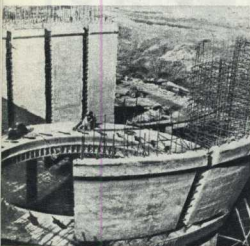
Где она сейчас? Что делает?

На проводе Владивосток. У телефона Аня Ивановна Шетинина.
«Своя»: — Аня Ивановна, чем вы занимаетесь в настоящее время?
Шетинина: — Вот уже шесть лет работаю капитаном в Дальневосточном высшем инженерном морском училище имени адмирала Невельского. До этого жила в Ленинграде, там окончила институт инженеров водного транспорта (судоводительский факультет), плавала капитаном в Балтийском пароходстве, преподавала и была деканом судоводительского факультета в Ленинградском высшем инженерном морском училище имени адмирала Макарова. Сейчас я преподаю дисциплину «Управление судами». Плаваю. В 1965 году, например, плавала 6 месяцев капитаном на современном крупнотоннажном пароходе «Орша». Рейсы в Австралию и Канаду. В 1966 году летом тоже три месяца плавала капитаном на теплоходе «Орехов». Рейсы в Канаду и Японию. Надеюсь совершить еще много дальних плаваний и постараюсь написать для молодежи кое-что о своих морских походах.

Аня Ивановна Шетинина — капитан корабля «Чавыча», Тихий океан, 1936 год.

О. Д. Л. Ы. Ш. Ц. О. Й. О. Н. И. Т. А. Й. К.

ПЯТИЛЕТКА И ТЫ

А. ШАГИНЯН

Фото А. ЛЕХМУСА

После перерыва Ангары после развала Красноярской ГЭС — кого сейчас удивит стройной?

Но эта стройка особенная.

Медленно, торжественно, как причаливающий и гирсу корабля, выплывает на многоосной платформе двухсоттонная громадина малазобетонного монолита. Одновременно приходит в движение один из трех уникальных колесных кранов, которые придают стройке сходство с фантастическим, как-то марсовским пейзажем: монолит повисает в воздухе и, поведая, как бы примериваясь, ложится, словно кубик в игрушечный дом, в тело плотины. Издали не видно людей, и навально создается ощущение, что все делается само собой, без участия человека, а может быть, и вопреки его воле.

Там, где пустоту заполнил собой бетонный блок, начинают всплывать частые, привинтые, точно быстрая морщина, бегущие сарки, многоосная платформа возвращается и завод сборного малазобетона за новой ночью, а с другого конца подтягивает и плотине очередной «кубик».

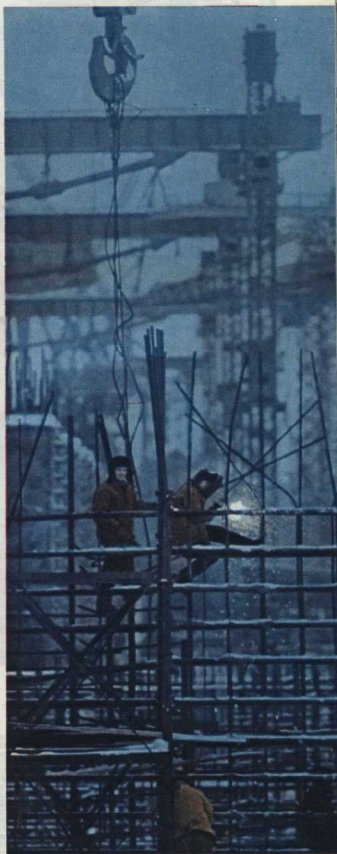
Да, плотина Саратовской ГЭС строится из готовых «кубиков». Это называется методом индустриального строительства. Стройка эта экспериментальная, первая в мировой практике гидростроения. Своеобразный мушкетер новой техники, новых методов, новой технологии. Таблички «экспериментально», «экспериментально», если бы такие таблички вдувались повесить, мелькали бы всюду.

Работы Саратовская ГЭС. Завершается монтаж бетонной вставки для макушки агрегата.

Светлана Шаталова — новачок комплексной молодежной бригады.

Монтажники и сварщики — первые люди на стройке.

Двухсоттонные блоки монтируются уникальным краном-гигантом.

Обязательно ли общепринятое разделение плотин и водосбросов? Обязательно ли выносить генераторы в отдельные огромные залы?

Этот вопрос заинтересовали инженера Николая Максимовича Иванцова. Отвечая на них, он разработал свою схему строительства.

Эксперимент, который когда-то предложил Николай Максимович, стоило проделать Николаю Максимовичу, стоявшему на плеске, чтобы броситься на самую дорожку, чтобы броситься на него своим голом. Коллентуно «Гидропроект» представило не просто детализированную общую схему. Было определено место стройки, найдены конструктивные решения по изготовлению и монтажу сборного железобетона. Все операции предварительно отработаны на полигоне.

На стройку пришла новая техника: уникальные краны, уникальные крановоды, уникальные многоэтажные платформы для транспортировки блоков с завода сборного железобетона. Прогнозируемая мощность будущей ГЭС обеспечит агрегаты колоссального типа, работающие под водой. Канал обойдет Балаово. Уровень Волги поднимется на 13 метров. Тем самым будет решена проблема орошения сотен тысяч гектаров сухих приволжских степей.

Первые итоги строительства будут подведены в дни празднования 50-летия Советской власти, когда еще раз переноту Волгу. В декабре дадут тон два первых агрегата, полный пуск будет произведен в 1969 году.

Имя города Балаово произносило от слова «балашты» — разговорный, тор-

говаться, спорить. Городу более двухсот лет. Здесь была порваванная база, отсюда зорил Поголовный шло на север, здесь замочались торговые сделки. Четыре купеческого города заметны в Балаово до сих пор — крепкие лабзы, превращенные в складские помещения магазинов, высокие заборы, недоверчивые узкие окошца домов. В доме купца Малцева сейчас горном комсомольца, атмосфера его — в резком контрасте с междичной, купеческой роскошью здания. Тот же диссонанс вадит тишина окрестных урочен и мерный, мощный ритм стройки, лабзы и пятиэтажные дома с «легкомысленным» орнаментом на торцах, кинотеатры в «столочности». Проходит совсем немного времени, и от старого Балаово не останется ничего, кроме символического названия.

Новая стройка — новые люди. У одних дорога в Балаово была предопределена семейной традицией и призванием, как у инженера-геодезиста Светлана Селезневой. В 1961 году вместе с отцом, одним из лучших крановщиков, она приехала сюда после завершения строительства Кременчугской ГЭС.

Для других, большинства, профессия в Балаово стала красивой, интересной комсомольской путевкой. Для третьих, строителей-дочек, старшей ГЭС была неинтересна.

Владимир Горбин жил в Тернополь, работал на заводе электроаппаратуры, был секретарем комитета комсомольцев завода, членом бюро горкома ВЛКСМ и одновременно нештатным руководителем ансамбля песни и пляски с солидным составом в 130 участников. Все в жизни ладилось, была любимая работа, было уважение и доверие товарищей, была прелесть квартиры. Но, видно, не отбродила у парня душа, мила тоска по делу, которому — всё.

Началось со знакомства с Иваном Мелехово, комсомолом Балаовского СУ-3, он приехал в Тернополь агитировать комсомольцев на стройку. Старшим в группе из тридцати человек отправился в Владимир: нужно же было доставить ребят, проследить, как примут, как устроят. Три дня ходил по городу, по стране, смотрел, слушал, расспрашивал. На четвертый приехал в горком.

— Останься. До пуща.

— А как же квартира? — спросили.

— Что квартира? Квартиры приходят и уходят. Будет еще, а такого, чтобы душу захватили... Это на всю жизнь, как рубль неразумный...

Начал бригадиром. Учил ребят, одновременно учился сам. Создал комсомольскую бригаду.

В ту пору старой завкасиа душок еще неметит, а прорывался в атмосферу стройки. Беспредельно пропадали иррипич, толты, двеснина, а за высочинными заборами выростали скрытые от чужьего глаза бани, сараи, пристроченные. Как-то ребята увидели выходящую со стройки два грузинки. В узювах доски, шпфер, кирпич. Остановили машины. Никаких документов у водителя не оказалось. Оттуда вывернулся прощай Поголовный, успокоившаясь помахал рукой:

— Все в порядке, не тревожьтесь. — Что в порядке? — Попробовал припринуться? — Не суйтесь не в свое дело! — А чье же это дело, если не наше? — Понаушавая, что может обернулось плохо, завалил Поголовный. — Все сейчас же назад, разгрузил. Завалил для ясности. Будете людьми, ребята!

Старавелс.

После разговора с начальником управления и на партком ретивый прощай со стройки исшел, а в общечитие, где жил Владимир, была поборошена запись: «Ужасный, откуда приехал, не то куда будет».

Не сдвинулся старый Балаово, не хотело, не могло примириться с тем, что спор предшрихнул, что новые времена вторгаются с нестерпимостью бульдозера, под номом которого рушится сараи, освобождая место для фундаментов современных домов.

Владимир рассказывал, поговаривали: — Когда решил остаться, поговаривали: буду просто работать, потом книги читать, в кино ходить. Никакой саявственности, времени слишком много на мне уходят. И в веру общественных дел. Постылю-посылю...

Не получилось... Человек не может быть хозяином своей земли постылю-посылю, в меру. Эта мера неделама: или ты хозяин, или случайный гость. Если хозяин, то все твою работа; и пардон на стройке, и сподоби стана на ночных углях твоего города, и релетинки в клубах.

А на улицах было неслыханно: «шопаливали» местные заправные Иуля

Турбинный зал и плотина освещены в едином здании строящейся в Балакове гидроэлектростанции.

и Пахан. Это были натурные опыты старого города сохранить себя. Неизбежно должны были столкнуться начальник новосмоловского штаба Владимир Горюхи с последними «могиликами». И столкновение произошло. Пахану пришлось пускаться в памятное бегство из города, его дружка судили...

Над Балаково иругами юлит ветер. Белыми звездами закручивается смежная кругля.

Скрябещут экскаваторы.

Гремит взрывы...

Нет Большой монтаж!

Балаково — стройка-завод. Высокая стена механизации, четкие синхронизированные действия отдельных узлов этого громадного и сложного механизма выказывают ассоциации с работой конвейера или автоматической линии. Создается ощущение, что человек, наладив эту линию и мамая пуговку, сидит за контрольный пульт и все его участие заключается лишь в проверке точности, четкости работы в заданном, хоть и несомненно замедленном, ритме.

Но так кажется только издали.

...Пятнадцатая ответка. Монтаж капсулы генератора — одного из сердец будущей ГЭС. Здесь работают монтажники. Низкие снеговые облака иссечены арматурной решеткой, грани и потугие плоскости светотрассовых умов элементов уходят вверх. По логическому геометрическому контуру их обреша движутся сварочные полуавтоматы, рассыпая синие искры-брызги.

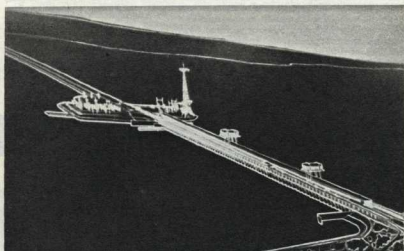
На фоне светлого пролета — силуэты монтажников. Предупреждающий сигнал — площадка пустует. Становится темно: влияющая тень заполняет просвет. Где-то там, навстрочу, в кабине крана, на рычагах — руки мастера. Подчиняясь их осторожным движениям, скользят вниз мощные тросы, останавливают бег валов, — элемент будущей капсулы задерживает свой осторожный полет.

Куда как проста работа стропальщика! Подцелья, отцепляя, скандировал: вира-майна... Здесь, в Балакове, стропальщик — едва ли не главная фигура, это специальность высшей квалификации. С мастерством человеческих рук, с точностью глаза, с шестым чувством, чувством пространства, не могут соперничать совершенные механизмы, которыми богата эта стройка. И потому в ответственные моменты монтажа вся схема этого завода, все близкие и дальние ее звенья работают лишь на то, чтобы с максимальной точностью выполнить приказ человека, стоящего у основания капсулы.

Одна руна поднята вверх, другая — как бы поддерживает, направляет край двухсоттонного железобетонного монолита, и кажется, что лишь этими легкими движениями бригадир опускает парашюта в воздухе машину в точно отведенной ей месте.

Хруст мелких осколков бетона, ляг грузные крановые цепи, обвисают освобожденные тросы. Бригадир вытирает лоб, небрежно машет крановоду:

— Хорош! Давай следующий.

Макет плотины Саратовской ГЭС.

КОНТАКТОВ НЕ БУДЕТ

ФАНТАСТИЧЕСКИЙ РАССКАЗ

И. ВАРШАВСКИЙ

К этому событию человечество готовилось много лет. Радиотелескопы крупнейших обсерваторий Земли планомерно изучали глубины пространства в поисках сигналов инопланетных цивилизаций; лингвисты и математики разрабатывали методы общения с представителями других миров; юноши допрезренного возраста жали в мечтах о кремнийорганических и фторводородных волюбленных; писатели-фантасты, вдохновленные небывалыми тиражами, смаковали острые ситуации столкновений с антигуманистическими общественными формациями; ученые продвигали разгадку самых жутких тайн мироздания, галлюциносно предвосхищая им коллегатам из соседних галактик.

Было подсчитано и взвешено все: возможное количество обитаемых планет, уровень развития существ, их населяющих, вероятность посещения Земли космонавтами, представителями сверхчуждых рас, овладевшими источниками энергии невообразимой мощности и победившими пространство и время.

Мечты об эпохе всеенского содружества разума в космосе таили в себе такие перспективы, перед которыми мелкие неурядицы на нашей планете казались не заслуживающими внимания.

Суда по всему, оставалось ждать еще совсем немного, пока добрые дяди в сверкающих космических доспехах, взяв за руку неразумное и заблудшее человечество, поведут его к вратам нового рая, где оно вкусит блаженство и новой ауре со всем судия в космосе.

Правда, находилась скептики, ставящие под сомнение ценность межгалактического общения при помощи информации, поступающей с опозданием в сотни миллионов лет, но их злопыхательство никто всерьез не принимал, потому что крылатая мечта допускала и не такие штучки, как распространение сигналов со скоростью, превышающей скорость света.

Несколько сложное дело обстоило с установлением эстетических критериев будущего содружества. Однако в длительной и ожесточенной дискуссии сторонники мыслящих плесеней и живых океанов были разбиты наголову. Трудями известного ученого Карлсона (не того, что живет на крыше, а другого) была не только доказана неизбежность адюнктивности облыка всех существ, стоящих на вершине биологического развития, но даже определен вероятный среднестатистический тип, наиболее распространенный в пределах метагалактики.

Пользуясь методами биокриптеретики, алгебры, логики и теории игр, Карлсон создал синтетическую реконструкцию мучки и женщины — гипотетических аборигенов, населяющих один из возможных спутников Тау Кита.

Эта реконструкция была размножена методом офсетной печати на небольших картонных открытках, удобных для хранения в нагрудных карманах, и за три дня разошлась в количестве ста миллионов экземпляров. Особым спросом она пользовалась у школьников старших классов. Может быть, этому способствовало то, что Карлсон считал одежду второстепенной деталью и сосредоточил свое внимание главным образом на весьма вычланных подробностях.

Что же касалось живых телов, будто натуре Карлсону послужили некая танцовщица и ее партнер, выступающие с неизменным успехом в весьма популярном, но малорекламуемом увеселительном заведении, то они решительно лишены всякого основания, хотя бы потому, что никто из авторов подобных утверждений не рискнул выступить с ними в печати.

Рисунок Г. НОВОМИЛОВА

Итак, это тысяч радиотелескопов были направлены в таинственную бездну мирового океана; восемь миллиардов рук тянулись раскрыть объекты; шестьдесят миллионов девушек дали обет связать свои узлы лобан с инопланетными пришельцами; целая армия ученых рвалась осваивать честь первыми покинуть родную Землю и стать под космическим знаменем великого государства.

И все же, когда это случилось...

— Радиодиаграмма от командира «X26-371». — Дежурный международного аэродрома в Аделаиде сообщает, что в этот начальник белый летчик X-48 не стал вас беспокоить, если бы...

— Что-нибудь случилось?

— Нет, но...

— Гм... — Начальник дважды перечитал радиодиаграмму и вопросительно посмотрел на диспетчера. — Вы уверены, что радистка ничего не перепутала?

— Кажется, что воцарилась все слово в слово. Вначале слышимости была очень хорошей, а потом связь неожиданно оборвалась.

— Отправлю!

Они еще раз прочитали текст:

«17 часов 13 минут. 26°31' СШ 18°10' ВД Высота 2 000 метров скорость 1 500 километров прямо по курсу внизу шаровую радугу около тысячи метров в поперечнике, предполагаю...»

На этом радиодиаграмма оборвалась.

— Ну и что вы знаете?

Дежурный помахал плечами.

— Воюю, что разряжение Главного управления, запрещающего членам экипажа пользоваться услугами бортовых баров, выполняется не во всех случаях.

— Гаупс! — Он подошел к стене и отметил карандашом координаты, указанные в радиодиаграмме. — Самолет немного отклонился от курса и делал в это время над Ливинской пустыней. Очевидно, обмучный мрак. Попробуйте еще раз с ним связаться.

— Хорошо.

Начальник достал из ящика стола диспетчерскую сводку. Самолет «X26-371», рейс Сидней — Мадрид. Семьдесят пассажиров. Сейчас они должны идти на посадку в Алжире. Командир — Лейстер, один из лучших пилотов компании, вряд ли он мог...

Вернулся дежурный.

— Ну как?

— Связи нет.

— Запросите Алжир.

— Вы спрашиваете, что яичко не знаю.

— Пора начинать поиски. Соедините меня с Сиднеем.

На следующий день все газеты мира заперли сенсационными сообщениями.

Обломки самолета «X26-371» были найдены в Ливинской пустыне, недалеко от места, указанного в последней радиодиаграмме. По заключению комиссии, самолет взорвался в воздухе. Экипаж и пассажиры погибли.

Однако газетам уделяли основное внимание не самой катастрофе, а обстоятельству, сопутствующему ей.

Неподалеку от места аварии был обнаружен полупрозрачный шар, внешний над поверхностью пустыни на высоте около двухсот метров.

Радиация оболочка шара, полигональная мыльни пузыря, излучала радиацию в диапазоне от 21 сантиметра до 1 700 метров. При этом она, сокращаясь в объеме, неуклонно опускалась на землю.

За сутки, прошедшие с момента обнаружения, размер шара уменьшился наполовину.

В Ливинскую пустыню были срочно командированы представители всех академий мира.

Три раза в сутки крупнейшие телевизионные компании передавали через телеспутники изображение таинственного шара.

Наконец на пытые сутки шар коснулся поверхности песка и лопнул с оглушительным треском. Разваливаясь в момент приземления, зазвучала мучительная буря на несколько часов преврала все виды связи по эфиру. Когда же передача возобновилась, слыше миллиарды телерепортеров, извивавшихся в нетерпении у экранов, увидели на месте посадки три прозрачных шара правильной формы, наполненных мутной жидкостью, в которой повисла нечто непонятное.

Усаживающее зловоние, поднимаемое из сосуда, не давало возможности операторам вести съемку с близкого расстояния. Однако при помощи телеобъективов удалось установить, что предметы, плавающие в жидкости, похожи на осколки металла, все время находятся в движении.

Теперь уже не было никаких сомнений.

Наконец-то нашу планету посетили братья по разуму, владеющие могущественной техникой межзвездных перелетов.

Хотя профессора Карсона оказались не совсем точными, а обеты вальдшнепа — опровергаемыми, ничто не могло омрачить заветную надежду величия первого общения с обитателями далеких и загадочных миров.

На время были оставлены всекие научные споры между сторонниками антропоцентрической теории и приверженцами гипотезы о сверхинтеллектуальных инопланетянах. Сейчас их объединило одно неудержимое стремление: поскорее установить контакт с гостями.

К всеобщему удивлению, пришельцы не проявляли никакой инициативы. Они преспокойно плавали в своих сосудах, не обращая внимания на все окружающее вокруг.

— Любопытство широкой публики готово уже было перейти в возмущение, но ученые, как всегда, не торопились. Слыше дескать сутки или окладные дебаты в многочисленных научных комиссиях.

В опубликованном наперед комиссии были сформулированы три основных пути решения проблемы:

1. Определить, какими органами чувств обладают пришельцы.

2. Найти способ доказать им, что они немо дело с разумными существами.

3. Как избежать обидей язык.

На пленарном заседании была избрана парламентская группа во главе с сэром Генри Ноблом, последним отпрыском древнего рода, чей предвоститель ступил на берег Англии вместе с Вильгельмом завоевателем. По жребителю, конечно, безусловное воспитание сэра Нобла и дотошное знание им правил этикета делали эту кандидатуру наиболее подходящей.

Правда, во время очередных парламентских дебатов по внешней политике правительства лидер оппозиции выразил сомнение, сможет ли сэр Нобл с достаточным успехом доказать свою принадлежность к миллиардам существам, но после разъяснения премьер-министра, что иначе сэр Генри не мог бы занимать место в палате лордов, явил замечательное обращение.

Инициативу этой просвещения, одна из либеральных групп приводела неопровержимый довод в защиту кандидатуры сэра Нобла, который, по мнению автора статьи, с детским лет был вынужден упражняться в подобных доказательствах.

Теперь комиссия была готова к началу опытов по установлению взаимопонимания.

В Ливинскую пустыню было стунто все, что могло способствовать решению поставленной задачи.

Мощные акустические устройства, радиозащитчики, работающие на коротких, средних и длинных волнах, проекторы, меняющие цвет и интенсивность луча, должны были помочь определить, какими же органами чувств обладают пришельцы.

Однако этого было недостаточно. Странные существа, погруженные в жидкость, внешне не реагировали ни на одну попытку привлечь их внимание.

На бурном заседании комиссии по контактам мнения разошлись. Математики считали, что следует переходить на язык геометрии, однако доступный всем разумным существам, искусствоведы настаивали на музыке, химики предлагали структурные формулы, инженеры собирались повалить гостей достижениями земной техники.

Неожиданно и остроумное решение было найдено председателем-вышшим сэром Ноблом. Он предложил испытовать все методы поочередно, а пока предоставить им возможность установить с пришельцами личный контакт.

Такой план устраивал всех. В подкомиссии вновь закинула работа. Десятки самолетов перебрасывали в пустыню материалы для сооружения гигантского экрана и раковины, где должен был расположиться сводный оркестр Объединенных Наций. Две тысячи композиторов срочно писали симфоническую фантазию-марш. Некоторые трети волонтеры в технической подкомиссии. В результате длительных дебатов было решено предоставить США возможность показать автомобильные гошки во Флориде, а Франции — ознакомить пришельцев с производством нейлоновых шубок.

Тем временем Генри Нобл готовился к ответственной и почетной миссии.

Он с негодованием отверг предложение специалистов воспользоваться противником, дабы избежать дурманящего зловония, испускаемого этими пришельцами, и заявил, что не имеет ни малейшего представления, никогда не позволит себе показать, будто он заметил что-либо, выходящее за пределы хорошего тона. «В таких случаях», — добавил он, — воспитанный человек задыхается, но не жакимет нос».

Группа парламентариев во главе со своим высочорным руководителем прибыла на место встречи в специальном самолете. Несмотря на палачий зной, они все были облачены в черные фраки и крахмальные сорочки, что выгодно отличало их от толпы корреспондентов и операторов, шеговавших в шортах и ковбойских шляпах.

Генри Нобл, воскупи у земных и торжественным шагом направился к трем таинственным сосудам. Его свита в составе пяти человек следовала за ним в некотором отдалении.

Приближаясь к пришельцам на расстояние в пятьдесят метров, Нобл слегка покачнулся, отнесся полный достоянием поклон и тут же упал в глубоком обмороке. Стоял он на месте.

Учительло подготовленный церемональщик, уловил главу делегации за ноги в безопасное место. При этом они не только позабыли подобрать свалившийся монокол, но еще и самым неприличным образом прихватили носе батюноватым платочками.

После небольшого замешательства, вызванного этим непредвиденным просвещением, инициатива была передана математикам.

Огромный экран покрыло изображение «цифровых штанов». При помощи средств мультипликационного джа квадрата, построенных на катетах треугольников, срывались с места и, потолкаясь в перпендикулярные воле квадрата на гипотенузу, укладывались в нем без остатка.

К сожалению, и это свидетельство мощи человеческого мышления, повторенное три двадцать раз, не вызвало никакой реакции в сосудах.

Тогда, посвящаясь, комиссия приняла в эдиподульному ревенню пустить в ход тяжелую артиллерию — музыку.

Пока на экране два известных комика разыгрывали написанную лингвистами сценку, из которой пришельцам должно было стать ясным, что землянка не чужды понятия «больше» или «меньше», оркестраты выжидали весь вечер.

Солнце зашло, но жар раскаленного песка заставлял людей обливаться водой. Внутри же раковины, нагретой за день, было жарко, как в духовке.

Комки на экране, обмениваясь необходимым количеством бутылкок и закусочных, уже выполняли задание лингвистов, а оркестраты все еще настраивали инструменты.

Наконец приготовления были закончены.

ИЗ
НОВЫХ
СТИХОВ

Пятьсот лучших музыкантов мира асылали, готовые повиноваться магической палочке дирижера.

Космическая симфония до-мажор началась с низких, рококоущих звуков. Испанский шар проматерил, медленно сжимался, вращался в первоадианном пространстве. Врвы! Чудоидное несущество струнных инструментов, хаос стужающихся и разлетающихся галактик, брызжущий океан звуков.

Но вот в стремительный, кружащийся рев вкрадывается простой и строгий мотив — предвестник нарождающейся жизни.

Гордо звучат фафары: что, кроме простейших углеводородов, полагается первые молекулы аминокислот.

Ширится рокот барабанов, пытаясь поглотить нежные звуки свирелей и валторн. Мрачную песь смерти поют контрабасы, прочувствуя победу энтропии над жизнью.

Ориентираты извивают от жары. Краймальные вортички и пластические преравляе молекулы аминокислот, злитое уже тайком расстегнутой пиджаки и жилеты, но палочка дирижера неуловима — она не дает никакой передышки.

Щелкают челюсти динозавров, радуются предсмертные вопли живой планеты, перемалываемой в огромных пастьях, шорок крыльев летательных аппаратов, завывающие бужущих смерчей, трюкот извергающихся вулканов — и вдруг снова чистый и асный мотив. Величайшее чудо свершилось: из умывлой, серой протоплазмы через триллионы смертей и рождений на планете повлился комо сапсено.

Гликий шепот пронисится у телевизоров. Внереиди оркестра, на освещенном постаменте возмущает облезлая фигура женщины, воплощенная реконструкция Карлсона.

На ней ничего нет, кроме золотых туфель на шпильках и длинных черных чулок, перехваченных выше колен кружевными подвязками с бубенчиками. Она тащется. Цветные проекторы высветывают из мрака то ее руки, поднятые к небу, и облитую навал голую, то стройный, смуглый торс, то вращающиеся в медленном ритме бедра.

Теперь в круговороте звуков слышится тоска человеческой души, устремленной навстречу братьям по разуму.

Все отчетливее становится партия скрипок, все быстрее вращение бедра, все законнее аккомпанемент бубенчиков.

И тут случилось то, чего никто уже не ожидал.

Из аквариумов с прищельцами высунулись три извивающиеся ленты, развернулись надобие детской игрушки «тещин язык» и понеслись по воздуху к оркестру.

Балдерганясь на затвоение воле затвоициции, они проинкили в глубь раковины, прошли над головами ориентратов и с той же стремительностью вернулись в аквариумы.

Весь мир акулу. Это было неопровержимым доказательством могущества искусства, способного объединять постигаемый разум в космосе. Ориентраты, казалось, больше не чувствовали усталости и жары. Громко и победно зазвучала последняя часть симфонии, слава новому зру великого содружества.

Между тем сосуды с прищельцами вновь окутаны радужной оболочкой и сверкающей в лучах проекторов шар вымыл под финальный аккорд к таинственным даям звездного неба.

Донесение начальница 136-й космической партии Великому совету всезнающего мозга:

«Волею и мудростью всезнающего мозга нами были организованы поиски разумных существ на окраинах галактического скопления звезд, занесенного в регистр совета под номером 294.

В качестве объекта изучения была выбрана третья планета Желтого Карлена, имеющая в составе атмосферы 21% кислорода.

Перенос на эту планету был осуществлен методом перенесения пространства.

Поверхность планеты представляет собой гладкий неясный рельеф. Водоемы отсутствуют. Это обстоятельство, а также высокая температура и повышенная сила тяжести вынудили нас вести наблюдение, не покидая защитных сосудов с компенсирующей и питательной жидкостью. Биологическое комплексное планеты крайне бедно и представляет передвижающиеся на двух конечностях существа.

Эти существа, по-видимому, обладают некоторыми начальными математическими познаниями в пределах нулевого цикла обучения, принятого на нашей планете в дошкольных учреждениях.

Мы наблюдали их ритуальную игру в шахматы, однако полного представления о культовых обрядах составить не могли, так как все наши попытки установить с ними контакт при помощи обычного языка запахов неизменно кончались неудачей.

Спектр запахов, источаемых туземцами, весьма ограничен, и проведенный лингвистический анализ не мог выделить из них смыслового значения.

Есть основания предполагать, что в заключительной фазе нашего пребывания они всецело пытались усилить звучение запахов, согная для этой цели несколько сот особей в нагретое помещение и заставляя их выполнять так тяжкую физическую работу. Может быть, эти запахи помогают им организовать простейшее общение между собой во время трудных процессов, что, впрочем, совершенно недостаточно для того, чтобы их можно было отнести к числу разумных существ, обладающих речью.

Учитывая все изложенное, считаем дальнейшие попытки установления контактов с населением обследованной планеты бессмысленными.

Начальник 136-й партии».

Донесение было записано по системе семи запахов на губчатом планетке, пригодном для длительного архивного хранения.

XX век

Дыханье века я обрелена.

Я с ним копытом обречена.

Но что ему колесо — круглой мушкет.

Ни капеллы ни мной не дожиет.

Пыталась было к дому приковыть,

Означит мир, где стол,

стена,

кровать.

Ему в упрек твердила о веках,

Что женщину носили на руках.

Бродяга, переселенный, ветрогон,

Он от меня в непотопленный ружон —

И к черту на рога, как холостой.

И прятала тайга ало «постой».

Я без него зливалась в дому,

Как злилась, сама в не помню.

Но жила, жила с постели подвала,

Мужскую враную я понала.

И зря огладелась я кругом,

Всего открыто назвала врагом

И скорость ошупта под рукой.

А мне даже снится переставной.

Не кланюсь ни богу, ни рублю.

Двадцатое все равно не полюблю.

Прощайте век! Сгорю в твою огню.

И век мой возвращается ко мне.

Прицесса на горюшине

Одею сброшено,
Вымута тетрадь.
Горюшине,

горюшине,

Как теба убрати!

Мне б мирно,

по-хорошему

В подолную голову,

Но катится горюшине

Планетой голубой!

О зеркале!

Вы холодны и липны,

Вы так падны до блеска,

до иньяны,

Алексини румяны и полады.

Мам глубым действительной не надо.

Старукам выдате, словно милость.

Чудоидное слово: «Сохраняться».

О зеркале!

Я вас переросла.

И, постигая тайны ремесла,

В тот мин, когда посмою измениться.

Не перед вами буду я казниться.

Что жизнь...

Не поле перейти.

Перекожу сивоз топы

площадя,

Листвою тощею поночут

Мои травянивые пути,

России, Родина, прости,

Прости мне сухость этих строк,

Я в городе росла, Россия,

А город и изурнушим строг,

И трая галучки не косила.

Жесток и травма города.

Травники я, смелась, топала.

О желтоватая вода,

Слышнее речек плеск

фонтана!

Травяев певно званю

А мне птвичь песни заглушала,

Машины вкращиво шумрала,

Цвели в ночи их огоньки,

И сугубые мистории

От рощ сплывали уместы.

Россия, Родина, прости

Мои транзитные восторги,

Проездом брошенный поклон

И использ обреченные зми.

Мои российские разлики

Выселялись между двух

колонн:

Мне зерна силлись в выде

булюк...

Но я росла, росла с тобой,

Пока не стая мой перунок

Тюею жилий голубой,

Пока в артерию не явила

Тюок дрог,

Тюок тревог,

Пока над мной звездой не

звлялся

Людского мужества рынок.

И стави недруги твои

Врагам крошечным монкам.

Еще не кончились бои,

Шепчу тебе святые нам.

Все темнее я перенеслю,

Комуку прозрачность берет!

От щедрости твоей, Россия,

И силность слов

и силность слов

слез.

Лия СТУРУА

ПЕРВАЯ
ВСТРЕЧА
С
ПОЭТОМ

Первая книжка стихов Лии Стурюа, вышедшая год назад на грузинском языке в Тбилиси, по-настоящему интересна. Поэтесса умеет видеть мир по-своему, умеет находить свежие, яркие и неожиданные образы, единственно точные слова и определения. Ее поэзия придает тонкость нюансов, богатство красок, разнообразие тонов и оттенков.

Правда, подчас, поэтесса переступает невидимую грань, и тогда стихи становятся неоправданно сложными, несколько туманными. Однако это, несомненно, болезнь роста, которая легко излечима и которую гениальная поэтесса преодолевает уже сейчас, в новых, недавно написанных стихах.

И мне приятно представить себе журнал «Смена» грузинским читателями своеобразное дарование Лии Стурюа — представительницы поколения «двадцатилетних» в современной грузинской поэзии.

Григор АБАШИДЗЕ

Горячей галькой и морю
И прах земной, и жар, и гнет,
И боль, и праздность, и обиду
Смывают волни горных вод.
И жизнь из суток не крош,
Живу. Ступни ласкает тина.
И все солонится вечно,
Как море и небес края.

Вечер

Вечером все четко так, очерчено —
Контуры домов со всеми гранами,
Чувства очерт зрелые и ранние...
Чья-нибудь любовь, едва намеченная,
Делается явственным вечером.
Вечер. Он сгибает чьи-то плечи —
Резче одиночество под вечер.
Но все эти откровения вечера
Многого б осталось незамеченным.

Под Новый год

Мы, отец ровесники с тобой,
Только двадцать три таких седьме.
Надо аню сеньюнок мягких рои,
Над тобой наноси снеговые.
Вечер. Утро. Между ними год.
Эта ночь сестрена войной.
Такой снег убьются савай твет.
Ну, а ты в землянке продувной,
Тошчи, долговзвыи замполит,
Пьешь с друзьями, обжигая рот,
За традиций сорок третьей год,
Год, в котором будешь ты убит.
Первые минуты января...
Я уже чуть-чуть взрослей тебя.

Спынут стекла телефонных будок.
На ламке гелезные дрылок.
Засветятся мыльные мирис.
На земле ин грохота, ин гуда,
Будто не бывало юны и бед.
Слышу, как шуршит странник.
Внуку, как из нурю поютс.
От настольной лампы тной свет.

Музейной сумрак. Старина.
Подсвечник. Кубок для вина.
Целый посулу: Ограблен трубин.
Серга. Корна дубовой шапонок.
Копье. Ядро. Забраво. Латы.
Таблю «не трогать экспонат».
Не трогать! Вышли из игры!
Довольно с них и слез и крови.
Деритесь, новые мирис,
Придумав пытку посуриной!
А эти, даже те, что с ногой,
Осклени дрвности — не трогать!

Первому космонавту

Земные сдвиги тнутся медленно,
Жена и дети неидеи с часам...
Ночь в этом городе дерзко помечена
и разноязычно проекторами.

Тебя наполняет красота непонятная:
лишенная форм — без линий, без
гравей,
неуповная, и невятная,
и сопряженная с тайной бескрайней.
Касается лиа твоего неузнаваемо,
и он теряет привычное право
лежать на подушках — он становится
узынким и сложным
метафор.
На абстрактном гравитационном поле
заснули звезды — золотые моллюски.

Ты лоб опускаешь на волосы голые,
будто на бьяле женские рюки.
А близкое небо черно и матово,
такое чужое — не разбирается!
А солнце, которое звет ты матерью,
во чреве огромном тает равнинно.
И созревает в тебе незаметное
желанье почувствовать хоть на
мигновение
округлость и упругость преддвоток,
ветер, и холод, и ливни копьяны.
И таясь почувствовать хочется
нежную,
зрелую, взращенных землею
бессонной...
...Человек возвращается из
бессонности,
и добрым огнем похлывает солнце.

Старик

Он стар уже. Недолго жить осталось.
Недели, дни, часы — всякая малость...
Сендет из задумчиво старик.
Но пьет вино и курит. Ходит в горы
И радуется дождю. А год! И
К своим годам старик давно привык.
Ему и лику неуловимый ветер
И этот светлый непокойный вечер.
Сын человека бесконечно год
Гармонией седых волос и взгляда

Хотела бы и быть по-
ничным поэтом,
Которое соснить ты дол-
жен...
(Из фольклора)

Горника Хварамзе любила горца,
Наверное, охотника и пахара,
Высокотого и сильного мужичку.
И так случилось:

через двор ее
Однажды он проехал не спеша.
Не попросил он
жирного хинкали,

не пожелал
ин теки,
ин воды

и не искал здоровую жему,
Красную жему он в этом доме.
Он просто так проехал через двор,
Не обратил на женщину внимания,
Поскольку лав ли розовый цветок
Горника не наполнила ему.
Она стояла тихо и упрямо
И не просила для него удачи
У Очопинтра.

Не переплетала
Серебристыми бусянами гриву
Могучего,
спокойного коня,

Чтоб
добрый звон в дороге был
любимым.

Она стояла молча и светло —
И походила Хварамзе на поле,
На поле, по которому проходят,
Но никогда о нем не вспоминают.

С порывом бурн, шелестеное сада,
Молчаньем в себя ушедших гор.
Как незаметно мидет он поюв
В соседстве с пожелтевшим листеное,
Своей возраст от себя срывая в ней.
Прилет старик. Устал. Но сил не
мало...
А дерева стремятся в небо жадно
И кажутся длиннее и стройнее.

Летит листва и падает на землю,
Последий раз он певичать будет.
Не встанет он и не попытается подним.
И руки будут пахнуть не лекарствам,
Но коматной его, но больша
царством,
Он упадет. Он ничего не слышит.
Деревья станут выше, станут выше.

Она не опускалась на колени
В высокой самои,
самой белой царкин.
Как дерево бесплодное, не чахла.
Свою печаль она в себя таяла.
Как будто бы срывалась за плетеном.
А след мужской курды-то уюди,
И очертавшая гибное его
Напоминали слутно Хварамзе
Живую виноградную лозу.
А от солнца не понимал, охотник,
Что это значит:
Если под лучами

Глухим
голосам
говарот.
Бормочут что-то вымученно бабы
И головы их, как колокола,
Качаются,
и, словно мед густой,
С их жарких тел стивает желтый
поленды.
Ах, как он ничего не понимал!
Не чувствовал!
Да и не мог
почувствовать он,
ибо

на гончую мужчину походил,
Которая преследует всю жизнь
Не звера,
нет,
а собственный свой страх
И одиночество постылое свое.
И оттого не мог он ощутить,
Что где-то рядом
женщина,
Одна,
единственная женщина на
свете,
Которая шумит своею волос
Сгоревшее вечную тоску
Мужичку.
И сумеет
Дать вместо страха
хлеб ему.
И сумеет похороше на поле быт.
Всю жизнь...

Рисунки В. АРОНИА

Вместе с артисткой Людмилой Касаткиной, исполнительницей роли Ани Морозовой, и режиссером четырехсерийной телевизионной киноленты Сергеем Колосовым я побывал в братской Польше. Бывшие польские партизаны и мой советор, известный польский писатель, полковник Пшимановский, показали нам место, где стоял крестьянский двор, близ которого Аню и ее друзей-разведчиков окружили эсэсовцы. Неподалеку, в болоте, взорвала она себя гранатами...

В деревне Гразыново, под Плоцком, нас тепло встретили ребята из школы, носившие имя Ани Морозовой. Они повели нас на усыпанную цветами могилу. Ее часто посещают и поляки и гости из Советского Союза. «Спи спокойно на польской земле!» — прочитали мы на могильном плите...

Овидий ГОРЧАКОВ

Автор документальной повести «Вызываем огонь на себя», бывший разведчик, знакомит читателей с Сменами с неизвестными фотографиями Героя Советского Союза подпольщицы Ани Морозовой и ее близких друзей.

ОНИ ВЫЗ

Зимой сорок первого года Ани Морозова стала прачной Сецзинской авиабазы. С уникальной фотографией немецкого пропуска смотрит из нас девятидцатилетняя Ани Морозова — бесстрашная руководительница Сецзинского интернационального подполья.

С этим пропуском Ани ходила на аэродром. Носила боевые в тазу, а потом пригнала в нем разведсводки и магнитные мины. Вот еще одна уникальная фотография — немец снял Аню и ее подружку Лиду Морозову у контрольно-пропускного пункта. (Фото № 1.) Один «наград» приставет к Лиде, другой небрежно провернет содержимое Аниного тазы. Это не мажор из кинофильма, спокойно в этой фотографии неподдельного драматизма! Кто знает, может быть, именно в тот день лежала в тазу мина...

Ани приглядывалась к немцам и полякам, а к Ане и ее подружкам, а свою очередь, приглядывался один молодой унтер-офицер из штаба. Однажды он предупредил Анну Пшестеленце, что немец-переводчик написал на нее донос или на ее друзей. Ани несколько месяцев прятала подружку под кроватью, а потом переправил в лес и партизанам. Унтер-офицером был чех Венцеслав Рубличка. (Фото № 2.) Ли Манюховский (3) и его друзья — Ли Талия (4), Вацлав Мессалы (5) и Стефан Горкевич (6) — слушали в то время в Сеце. (Фото № 3.) С ними познакомилась Ани и члены ее подпольной группы — Лось Сочинина и Паша Бакутина. Поливное не пришлось вербовать: они всей душой реалили в борьбе против гитлеровцев. Так сложилась подпольная интернациональная организация из трех национальных групп — русской, польской и чешской.

ЫВАЛИ ОГОНЬ НА СЕБЯ

Ян Маньковский снят здесь неподалеку от гитлеровского аэродрома с подпольщицей Пашей Бакучиной (справа) и со своей боевой подругой и будущей женой Люсей Сенчилиной. (Фото № 5.) Год подпольной борьбы закончился для него смертным приговором.

Как поразилась бы сецисинские подпольщики, если бы увидели, что все доблестно разведанные Ана тайно передавала... старшему полицейскому сецисинской полиции Костяне Поварову. Никто не знал, что весь первый год подпольной борьбы за Анай стоял как руководитель подполья замечательный советский разведчик лейтенант Константин Поваров. (Фото № 4.) Костя Поваров трагически подорвался на партизанской мине. И вся ответственность руководства подпольем легла на Анины плечи...

Когда задержался вылет и заминированные поликами самолеты взорвались над аэродромом, гестаповцы арестовали всю польскую команду и бросили ее в тюрьму. Чтобы спутать карты шефа СД Вернера, Ана решила продолжить диверсион. Задание выполнял подпольщик-комсомолец Ваня Алдрохов. (Фото № 6.)

Он работал водозосом. Ему удалось провезти одну диверсию, другую, но затем фельдмандрарми схватили его. Ваня был казнен.

На Варшавском телевидении мы встретились с двумя бывшими сецисинскими подпольщиками, боевыми друзьями Ани Морозовой, — Яном Тымой и Вацлавом Мессьяшем. (Фото № 7.) Тыма ныне капитан польских военно-воздушных сил, а Мессьяш — строитель в родной Познани. В тот вечер они рассказали миллионам польских телезрителей о незабываемой почти двухлетней борьбе Сецисинского интернационального подполья.

В Советском Союзе, Польша и Чехословакия вышли книги о славном Сецисинском интернациональном подполье, миллионы телезрителей во многих странах смотрели фильм о героях.

Вратские народы славят героев Сеци. Много пионерских страданий с гордостью носит имя Героя Советского Союза Ани Морозовой. Венделин Робличка закончил войну партизаном в Чехословакия и награжден орденом своей страны. Высшими орденами ПНР награждены польские подпольщики.

СЕМЬ ЧАСОВ И ЕЩЕ ВОСЬМЬ ЖИЗНЬ

Заметки на атеистические темы

ПАПА ПАВЕЛ VI И ШТУКАТУР ВАЛЯ КУЗНЕЦОВА:

Знакомые мне не верят.

— Слушай, неужели они тебя действительно пускуют на свои моления? Так просто бьют и пускают? И не злятся и не выгоняют вон?

Я и сам долго удивлялся этому.

...Покончив со своими делами, кто-нибудь из проповедников непременно предлагает мне задавать вопросы. И хотя собрание уже закончилось и беседа наша будет носить частный характер, на нее остаются многие. Особенно те, кто помолжало. Когда я встречаюсь с ними вглядом, они улыбаются. И когда я ухожу, чуть ли не хором говорят: — Приходите же...

Откуда это? То, что они слышат от меня, не может оставить в них ни малейшей надежды. Я противник, враг их веры, их заблуждений.

Робята из Вороткинского клуба атеистов, смеясь, рассказывали мне, что никто так не заставляет их посещать семьи верующих, как сам верующие.

— Попробуй на походи месяц! Им ведь плевать, что у тебя работа или что ты запаришься с очередной контрольной... «Что-то вы нас забыли, не ходите...» И, думаясь, они это просто так говорят! Ведь и впрямь рады, когда придорим... Нуны мы им.

Жена Кривчук, бывший свекант, а теперь один из активистов клуба:

— Лестно им. Что ходим — лестно. Что говорят серьезно — лестно. Особенно молодым. Они при нас себя особенными чувствуют. Не тавим, как все. Хуже ли, лучше ли — им неважно. Важно, что не тавим. Знаю я это. Помню.

«Не так, как все...»

В том, что говорят их проповедник, это звучит особенно часто. «Нас презирают!» — с гордостью заявляет один. «Избранные», — утверждает другой. «Мы вне их общества, вне их жизни», — третий. С удивительным

постовством в библии выбираются места, повествующие о гонениях, выпадавших на долю учеников Христа, об их обособленности, о преследении толпы. Это почти во всех святах. У батнистов теория избранныости (в том смысле, что человек не сам приходит к богу, а избирается им) — камень всего учения.

Вряд ли это случайно.

Вряд ли случайно и то, что в заключительной речи на Вселенском соборе папа Павел VI назвал стремление современного человека выразить свое «я», свою неповторимость одной из главных примет времени.

Мы это знаем. И мы радуемся сегодняшнему стремлению людей осознать и прожить себя. Наши моральсты, объясняя молодежи, что такое счастье, охотно цитируют Гете, который писал, что оно — в возможности быть личностью.

Но почему радуется церковь, почему именно с этим, таким понятным нам стремлением она связывает свои самые сокровенные надежды?

На ассонированной удальной комсомольской стройке — Сыктывжарском лесопромышленном комплексе — работает штукатуром Валя Кузнецова. В бригаде из вчерашних школьников она старше всех и самая опытная: четвертый разряд. Когда мы познакомились, девушка плохо училась, и Валя возмущалась этим.

— Они же зеленые, у них же романтика, — втягиваясь она мне, — в им всю охоту отбавляю.

Высокая, сильная, с независимой и смелой повадкой женщины, знающей себе цену, она ругалась с мастером и бригадиром, жаловалась в комитет комсомола.

— Девочки должны работать! По-настоящему. Иначе пропадут!

Мне она сказала:

— Работа, знаете, какой должна быть? Ты живешь, а тебе за это деньги платят. Вот какой должна быть работа.

Сыктывжарский лесопромышленный — во втором Большом строительстве. Шесть лет назад семнадцатилетней девочкой она уехала в Мурманск. Стала штукатуром. Строила завод. Когда стройка была завершена, решила вернуться домой, в Чебоксары. С работой для

женщин здесь неважно, но ей повезло: удалось попасть на канатную фабрику. Два года простояла у машины — и вот приехала сюда. Хотя на фабрике было не так уж плохо. В тепле. Под крышей. И зарплата была хороша, лучше, чем здесь.

— Романтика?

Валя посмотрела удивленно и синхронно.

Два года одно и то же. Машина уменьшка: пока осваивала ее, о чем-то думалось. А потом — одно и то же, одно и то же. И целый день одна. Здесь просто легче. С одной стороны, конечно, тяжелей. Стройка есть стройка и холодно, и мороз, и все такое. А с другой — легче. Душу есть с кем отвести. И главное, каждый раз другое: то ты малая, то штукатур, то у бетономешалки поработать...

— Нас тут с одиозным встречали... А мне смешно. Настоящие трудности там. Я, может, от них и сбегала...

«Трудности», от которых бежала Валя Кузнецова, свидетельствуют о том, что порой возникает неудовлетворенность, связанная с современным характером производства. Дело в том, что сегодняшние трудовые связи человека с обществом выступают нередко не как прямые, а как множеством опосредствованные. И нужно обладать немалым пространственным воображением, чтобы понять, например, что твоа работа над одной из многих выпускных заводом деталей обречена для тебя не только зарплатой, но и политическим равенством. Понять это и почувствовать так более нелегко, что сегодняшнее производство в силу его раздробленности на бесконечное количество отдельных операций не дает того удовлетворения, той творческой радости, которая связана с восприятием конечного результата усилий. Даже упоминая нам детали нередко лишь одна стотысячная машина, которая не только никогда не будет принадлежать рабочей лично, но которую он, возможно, ни разу в жизни не увидит. В этом плане какой-нибудь средневозрастной старик или слесарь был счастливей. Если вещь, сделанная им, и принадлежала другому, то никто не мог отобрать у него радость видеть плоды рук своих, вещь,

задуманную и сделанную им от начала до конца.

Может быть, поэтому никогда раньше идеал молодежи не выражал так определенно, как сегодня.

Деять из десяти вчерашних школьников на вопрос о том, что самое главное в жизни, отвечают, не задумываясь:

«Работа! Интересная работа. Интересная — это главное».

Ищут такую работу, которая затрясла, чтобы она диктовала все остальное: от интересных занятий до необходимости читать книги и ходить в театр. Путь авари, а не путь вниз. Короче, ищут работу, где творческий, интеллектуальный момент — главное. Физическое котируется только в сочетании с ним.

В сущности, мы можем гордиться этим: абсолютное большинство наших людей глубоко усвоило наш главный воспитательный тезис: счастье — в труде, потому что именно в нем человек реализует себя как личность.

Таково исходное настроение. Мы его воспитали, как и отвечаем на трудный вопрос о том, насколько мы утратим жажду.

Лаборатория социологических исследований Ленинградского университета было проведено 2 665 методических работ на 25 предприятий Ленинграда. В числе прочих вопросов исследователи поставили перед собой и этот. Вот результаты, которые они получили.

1. Максимальное удовлетворение работой — 427 человек.

2. Скорее удовлетворенно, чем неудовлетворенно — 664 человека.

3. Непредвзятое или безразличное отношение — 776 человек.

4. Скорее неудовлетворенно, чем удовлетворенно — 297 человек.

5. Максимальное неудовлетворенно — 124 человека.

6. Противоречивое мнение — 392 человека. Исследования показывают, что важнейшей причиной неудовлетворенности остается однообразие, монотонность многих видов труда, отсутствие в них творческого элемента.

Работы, много, но работы, о которой мечтает большинство, не хватает.

Оставши на время в стороне тот внутренний взгляд на работу, который так часто является самоучастием тех, кому не очень повезло с работой. Какой нравственный климат их окружает?

В вышедшем недавно «Избранном» «Юности» тридцать рассказов. Лучшее, что напечатано в молодежном журнале за 10 лет. Не претендуя на оценку этих произведений, отметим следующие. Среди героев тридцати рассказов — ни одного заводского, кот станка рабочего. Не считая шести школьников и дошкольников, первое место занимает шеферы на дальних линиях — в тайге или в пустыне, за ними, конечно, идет геолог...

Можно утверждать писателя. Попробуй их понять. Если человек знает свои условия, в которых он всего полней будет чувствовать себя личностью, то писатель с тем же правом ставит своего героя в обстоятельства, где последний имеет наибольшую возможность себя проявить.

Мы не можем считать «статистику» литературы прямым отражением жизненных явлений — не исключение, условно говоря, «административного» взгляда со взглядом писательским здесь налицо. Тридцать рассказов «Юности» косвенно свидетельствуют не только о том, что есть профессии с очень низким КИД, саморазвалива, но и что они, эти профессии, получили соответствующую общественную оценку.

ГРУБНОЕ ЧУДО

Но при чем здесь бой?
Не в первый раз кт-то в своей совокупности религиозного мировоззрения вновьобращенному привлекают лишь определенные идеи. Бог — церковный, всемогущий и всезнающий бог — приводит позе.

— Я и раньше слышал о сектах,— рассказывал Геннадий К., бывший неговест,— только было это мне без надобности. А тут пошла работать. Не знало. Также, скучно. Работать, конечно, другой страной. И знаешь: вроде как курить человек бросает. Сосет его. Он и ледяной прылет, и воду пьет непомерно, и семечки лугает, а не помогает. — И как будто исследователя особю нехватало было, так и в деревне среди пацанов заводской был, да несколько книжек, да кино. А тосковал. Под тоску они мне и попались. Сначала смешно было: какой там бог, где они его видели! И как же, затануло... Собираюсь, например, и начинаю между собой библейно толковать. Или с «эвизитом» к кому идешь: о вере рассказывать... Да еще была мне на поприще этого удача. Агитировал ли кого, спорю ли слушаю? Говорить, так, а в душе все известно значит, есть что-то у тебя, раз слушаю... Домой идешь — ханжишь себя за эту радость: грех. А в мыслях все равно кружится: живешь, Генка, живешь! Я и товарищей своих жалел тогда: равняют люди.

Нужно отдать должное его поведенью. Они не жалели сил, чтобы внушить молодому и не очень грамотному пареню, что он отменяет, а не берет. И в конце концов, как и у поведенью, был названем «службой литературы». Много ездил, спорил, проповедовал. О другой жизни и не мчал... Понадобилось долгие семь лет, чтобы он осознал свою ошибку.

Так неудовлетворенная жажда действительности, жажда личного вмешательства в жизнь (качества, в сущности, вполне нужного) стали исходной точкой на пути религиозного приобщения.

Молдавнин Андрей Бутучек пришел ко мне, снимая в протопевшем кулаке тетрадный листок.

— Я ханжиса говорю плохо,— сказал он,— так вы перепишите их фамилии, чтобы точно. Ладно?

Он ничего не стал рассказывать, пока я не вернулся в свой блокот фамилии и имена его товарищей, но бранить не начал.

— Если бы вы знали, какие это люди! Как был бы я без них! Я лес раньше охранял. С ружьем ходил. У нас в Молдавии, сами знаете, каждое деревцо наперечет. А у людей — это Насе, Лобань, Абрам, и еще одного, брат. Этих они меня и взяли. Душевное, добротой. Ведь человек, чтобы жить на земле, больше всего нужно для души — товарищество. И подумай: я там один потому, что а бога верят... И только здесь, в мастерской нашей, узнал: можно и без бога. Я портижнить не умел — помогил. Каждый у нас все операции освоил, чуть что — помогаем друг другу. Так, без всякой корысти. Чтоб всем хорошо было и чтоб человеку свое расположение показать. Цветы в своем углу завели, цех побелили, дружить умле ходим. Это очень важно — вместе...»

Он особенно светилась, строям своих служб и собраный умел компенсировать ту эмоциональную недостаточность, которая нередко сопутствует нашей работе и нашей быту. Можно, побывая на любом собрании тех же батистков, убедиться в этом. Все приспособлено к тому, чтобы раскрепостить чувства, растормозить их. Короткая проповедь, за ней короткое пение, потом громкая молитва. И снова проповедь, и снова молитва. Говори, выходящая душа. У тебя есть собеседник даже тогда, когда сказать ты имеешь всего только «господи, помилуй!» (Душая об этом, всегда вспоминая известную формулу «не бойся, потому что с тобой», собравшись, я писалось пятнадцать, выступило семь... Есть предложение.)

Конечно, дело не только в тех эмоциональных отаушках, которые предлагает церковная или батистковская служба. Но — самое привлекательная идея конкретного, ежедневного творимого добра, самоусовершенствования, культ «братства».

Нет нужды — перебирать прамые психологические моменты от эти идеи к трудовой жизни тех, кого идеи эти способны привлечь. Но опыт показывает, что это, как правило, рабочие низкой квалификации.

Что же делает с ними церковь? Ведь будучи способной воспользоваться характером современного производства, она не в силах что-либо изменить в нем. Почему же тогда вчерашний прогульщик, человек, работавший без души, по необходимости, вдруг и впрямь становится добросовестным, готовым выполнить любое, самое неприятное задание труднейшим?

Оружником в таком случае говорят о чуде: поверил в бога — стал человеком. Чудом этим хвастант и руководители свет: «Нашню стлещь добрые работники».

Но все же удивительней церковью, это чудо, может быть, самое реальное и самое грубое.

Для червяк труд не единственный путь самоутверждения, не главная линия связи человека с обществом, труд, как его понимают многие верующие, — это испытание. Божий экзамен на выдержку. Стараясь идти в ногу со временем, батистки, например, учат, что испытание должно быть выдержано достойно. Верующий должен работать добросовестно, честно, не уклоняясь ни от какой работы, пусть самой тяжелой, однообразной, скучной. Чем тяжелее экзамен, чем большего насилие над собой он требует, тем человек угодней богу.

Так труд становится формой религиозного подвижничества. В результате такой подмены исчезает неудовлетворенность, но вместе с ней и помехи развития, и радость, и радость, и радость в нем. Чудо оборачивается самоупотреблением. Душа вкладывается в другое: в труд на имя божье. «Трудиться — значит молиться» — говорит батистка. Стало так можно — трудиться во имя неких молчаливых домов: в деревянной раме — золотом по красному.

Нужно сказать, что наиболее новаторски настроенные богословы и пасторы, ведущие к расчеловечиванию, дегуманизации человека, видят сегодня самое незащищенное место религии.

«Сущность человека состоит в том», — пишет крупный богослов, или «Общества Иисуса Хозе Гонсалес Рус», — что он создает самого себя, и это самозащитное может осуществляться лишь в процессе труда. С этой точки зрения марксизм критикует религию с позиции полнейшей ее отчужденности от человека.

Ведь религия предполагает, что человек всего только простой исполнитель планов, заранее определенных богом. И марксизм приводит к выводу: во имя высшего гуманизма необходимо бороться против религиозной надстройки, которая отрицает и ограничивает общечеловеческую роль творческой активности, собственной человеку».

Гонсалес Рус всю ихсл сил старается доказать, что взгляды знающего христианина здесь совпадают с нашим. Но религиозная практика, как мы видим, говорит о противоположном.

РЕЗЕРВЫ ПСИХОЛОГИИ

Одну эту попытку самопроявления характера. Церковь, как никогда, активно работает в сфере психологии, пытается нащупать в человеке такие глубины, открытие которых позволяют бы стимулировать развитие личности в нужном направлении.

«Да, церковный собор», — говорил папа Павел VI на закрытии II Вселенского собора, — кроме самого церкви и связи, которая объединяет ее с богом, занимается человеком, таким, каков он есть на самом деле: живым человеком, человеком, который не только дает себя средоточием всех интересов, но и оттаивается говорить о самом себе, будто он есть принцип и основа всей действительности».

В центре внимания соборных отцов — которые ведь тоже люди и посему внимательные, людящие пастыри и братья человеческие феномены — называемый человеком во всех его разнородности и обличьях: трагический человек с его собственной судьбой, вчерашний и сегодняшний сверхчеловек, уязвленный и не-

искренний, эгоистичный и раздражительный страсти человек. Сам эгоистичен, а в своих несчастьях человек, смеющийся и плечущий человека, многоликий человек, готовый играть любую роль ограниченного человека, для которого не существует никаких границ. Эгоистичен; человек какой он есть, который любит, трудится, который все время чего-то ищет...»

Интерес у человека настолько велики, потому что он несет в себе столько светских, настолько мирской характер, что в заключение папа вынужден был даже оправдываться перед тем, кто считал этот интерес чрезмерным.

«Исходя к человеку и к земле, церковь восходит к царству Божьему», — заявил папа. А мы нередко противопоставляем этому странную, если не сказать комическую, обиду на то, что наш современник не улавливает в заготовленных для него формах, что по своему внутреннему развитию, интеллектуальному уровню, духовным запросам он превосходит нас возможности удовлетворить их.

Больше всего при этом не хватает понимания, авторства, влияния. Это они виноваты в том, что motivate интересе далеко не всякая работа, что многих парней не вдохновляет физический труд, а девушки хотят учиться и не хотят работать. Если эти управляет есть какая-то часть истины. Скупо и скупо показываем мы радость физического труда, его интеллектуальные резервы, его душу. Но если бы даже все учителя и все наши педагоги стали дружно и одновременно стали бы проповедать радости физического труда, вряд ли они все еще преуспели бы в этом деле. Нельзя остановить время. В век безудержного развития науки все становится частью счастья, кроме счастья самозарничания посредством интересного, целиком захватывающего человека труда, неизбежно предстанет перед обществом как надуманный и нежизненный.

И это, в сущности, огромная воспитательная победа. Отказаться от такой победы было бы нерасчетливо. И задача, вероятно, заключалась в том, чтобы, регулируя отношения в обществе, сделать так, чтобы были условия, которые максимально способствовали бы реализации нашего нового представления о счастье.

А резервы эти есть. И заложены они не только в газетном прогрессе, в результате которого, например, профессия наладчика автоматов, профессия, глубоко сочетающая физический труд и знания, вытесняет другие, менее творческие рабочие специальности. Многообразие человеческих характеров, многообразие, повергающее некоторых руководителей в панику (равно им всем угождает) и действительно чреватое, если его не учитывать, многими социальными болезнями — та сложность и многообразие в себе же скрывают противоречия. В них возможность подбора работы в соответствии с духовным складом личности, возможность психологического маневра. Лучше, то есть наиболее тонко и остро чувствующие, воспитатели нередко прибегают к нему.

Когда комсоргом одной из воркутинских шахт выбрал Саша Еманов, он, как и многие комсорги до него, начал с члываловых вставок, что не платит заводу, с неплательщиков. И почти сразу узнал о Рае К.; «костяная» два года не платила взносы. Восемь лет назад закончила курсы машинистов лебедок и подарила машину, одна из немногих девушек, еще работающих под землей. Сашу, приехавшего с юга, поразил ее заработок: 300 рублей — фантастика!

Через день он угадал ее на работе. Ничего особенного под землей бывает и тяжелее. А здесь — важная кнопка для присматривавшей за мотором. Пригласил Раю в комитет, посмотрела условия, вроде бы и не слышала. Потом вышла голая.

Вечером, думая о предстоящем разговоре, вдруг вспомнил: инспектор кадров обновилась.

Шальная девка... наверх прослылся. Все рванула вниз, а она наверх...

К нему тоже приходит. Просится под землю. Внизу работать тяжелее, зато заработок выше.

С этого, с работы, он и начал. «Трудно!» — «Нет, не очень». Подразнил ее деньгами: «Бегите быстрее. «Дурачок, деньги не любят». «Иногда бьют». И тут она взорвалась. Каково! В лет подража нажимать один и те же кнопки! Работать — тоска зеленая. Мужики вокруг и за углом она пропала, не дай бог! Терринок! Если бы предложили, породу гресть. А она машину любит. Вот и сейчас уходит машинист под землю. Ей лебедка надоела, в зады и дело не пойдет. И машинист интересны. Только никто ее не приглашает. И что надо, видишь ли, готовишь заману, а промоздство не идет. И это, как намешивают: дескать, с жору бесится, кто мол, от таких денег уходит. А она не может больше, не может...»

Найт Раю замену оказалось не так уж трудно. Две женщины с радостью согласились пойти на ее место. Имя, немолодым и обремененным семьей, бездумная работа это вполне подошло. И права машинистки нужны. Зато очень трудно было убедить начальницу шахты, для которого все это было несерьезно и неважно. Спасибо горному партию: поддержал комсорга... Что же деньги жалко? Это дело комсорга. Раю то они определились еще раньше. Не могла девушка не почувствовать, что приняли ее всемерно, что живые и другим интереса.

Но сам Саша ставит вопрос шире. Почему, почему нет, а врач-психолог нужен только в футбольных командах? А на шахтах? Не заводят. Такими, как Раю, много. Только мы не знаем, не догадываемся о них. Живет парень, работает в той же лаве. Малограмотный, но очень добрый. И не только. Он не пьян, не хулиганит, не прогуливает... Правда, не учится. Но ведь не всем же учиться. А парней и сам не знает, что делает со своей душой. И мы спешим сделать только тогда, когда забуду, когда забыл и когда его божья ладья и как-нибудь, а профессионально, серьезно... И чтобы у врача этого права были... И не обязательно, правятся на другой участок... Предписываю овладеть смежной профессией, чтобы интереснее работалось. Рекомендую поговорить о смысле человеческого жинья... И что предписания эти были от людей для всех: и для самого рабочего и для начальника шахты...

Служба физической защиты, о которой мечтает воркутинский комсорг, при всей кажущейся фантастичности все-таки в русле сегодняшнего дня.

«Производственный коллектив», писала в «Правде» группа ученых-социологов, — не механический агрегат, состоящий из экологических и «винтиков», а сложный, развивающийся социальный организм. Основной задачей коммунистического общества, с богатым духовным миром, разнообразием интересов и потребностей. Поэтому управление коллективом требует глубокого знания о социальных отношениях, психологии и морали.

Вероятно, не завтра еще в заводоуправлении появится лаборатория психолога. Не завтра наступит день, когда резко сократится список всякого рода административных дел, пока не будет выделены в отделах кадров пополнятся профессиональными врачами-психологами и предписаниями. Но ясно одно: нужен серьезнейший поворот к внутреннему миру человека, к той его сфере, которая связана с трудом.

Условием для такого поворота может быть лишь правильный общественный взгляд на проблему. Но хотя мысль о том, что общество в определенном нравственном долгу перед частью своих членов, что историческая обусловленность этого долга (мы и впрямь не можем сегодня же, сейчас же дать каждому работу по душе) не делает его менее тяжелой мыслью об этом мыслят, и впрямь вникает в наше сознание, — практической жизни мы еще редко руководствуемся ей.

Парень, который в свои 20 лет уже успел поколосить по стране, сменив несколько профессий, в какие-то из жизни молодого человека не видно следов романтизма, романтичности, а вот как, например, существует ему? В неинициальной действительности, с отдаленными кадры, анекдотами и трудовыми книжками, и парнем эти отношения походят на Звезд они много рубля. И не так уж мало людей, для которых слова эти страшны.

Нам предстоит избавиться от механического взгляда на профессию, достоинств и недостатков человека. Логика эскаваторщика дади Охрина из рассказа Василия Самойлова «Наследственная специальность», логика, по которой молодому и сильному парню ставилась профессия «автоматер» — трактористом или на худой конец газосварщиком... следствие этого взгляда. Славствие его и те фельетоны, что еще совсем недавно проповедали парней, работающих у прилава.

Мы искусственно сужаем нравственные горизонты поиска. Мы привыкли, мы уже спознательно смотрим на людей, о которых писали Лев Толстой, Достоевский, Ремизов, мы это знаем и все-таки не решаются бросить неподобную работу. Мы не замечаем, что взгляд их упирается в очерченный нами же горизонт.

Чужое общественное знание должно и может осветить пути нашего знания поиска, дать верную оценку тому, что сделано и делается.

Последние годы, например, примитивы удела, — проповедь аноработных увальней. Англиское словечко «эобиз» стало частым гостем на комсомольских диспутах и собраниях, не страницах газет и журналов, а теле- и радиопередачах. Следует признать, что этот пропагандный нам второй круг интересов в определенной мере может комплексировать эмоциональную и интеллектуальную недостаточность своих рядов, а также за счет неэкономичности, безусловно, заслуживает всеобщего внимания и поддержки.

Опасно лишь видеть в этом втором круге универсальное средство. Опасно, когда он начинает держаться на поверхности самых воспитательных, самых глубоких, самых лучших ниже стандартной отметки. Опасно, когда вера во вселиние этого круга начинает целиком и полностью определять весь комплекс мер, принимаемых к ней отрывающейся от нас душе.

— Занялся бы спортом...

— Хочешь, мы дадим тебе общественное поручение...

— У нас в хоре парней не хватает, а ты скучаешь...

А ведь есть, какая-то логическая неуважка в том, что человеку, которому осточертел его станок, рекомендуют играть в драмкружок, собирать глиняные этюеты или бегать стометровку. И что же? Тот человек, который не может заняться от полноты жизни, но не от скудости ее. Только тогда они в радость, только тогда они действительно полезны. (Вероятно, тип общественные-полуррабисовские нава тем и опасен, что у него не жинть, а слыаться от скуки, поскольку и сам видит в общественной работе не естественное продолжение главного дела жизни, а самостоятельную ценность.)

Хлеб — как известно, продукт незаменимый. Есть пуста, которые нельзя заполнить ничем. Хобби, которому отдаешь все время, о котором думаешь даже на работе, иногда лишь примета крушения. Жизнь техника, не работа, которые своим напором отравляют чашы рабочие от неробочек. Чем сильнее и разнообразней активизирует человека первые, тем богаче, значительней все остальное, потому что — зерно личности — это ее труд. И зерно это подобно любому другому семени: чтобы растение было здоровым и сильным, что оно устояло перед болезнями и климатическими невзгодами, его облучают перед посадкой ультрафиолетом. Сегодня очень нуждается в этом облучении доброй мыслью, заботой, вниманием. Из него растет Человек.

ЛЮБОМ ГУРЬЕЗОВ

Электронные машины, заменяющие свах, используются во многих матричных ювелирных бюро в США. К сожалению, даже эти электронные машины нередко ошибаются, несмотря на то, что в них вводятся абсолютные точные данные о кандидатах обоего пола. Так, в одном бюро в Нью-Йорке на основании данных электронной машины клиентке было предложено вступить в брак с ее же родным братом!

Тридцатилетний врач Энди Зилли, променявший в Эдинбурге (Шотландия) невесту, получил титул «Мужа года». Этот титул оспаривать приходится тому из англичан, который выкинет наибольшее число семян добродетелей. Доктор Зилли, идеальный муж 1966 года, охоту помогает своей лане в работе, прекрасно готовит, печет и играет с малышами, ставя пеленки. Однако и этому идеальному мужу пришлось ответить на вопросы касательно ведения хозяйства, а также воспитания детей различного возраста. Идеальный муж был награжден медалью и получил поощрительную премию.

Чего боится женщина? Этот вопрос исследовал один английский психолог. Повзвист несомненно летично причину женского страха, он наконец обнаружил одну ста причину, которая пугает женщину, а из них выделены еще двадцать, наиболее общих. Вот эти причины: женщины боятся старения, похоты, публичных выступлений, оставаться ночью одной, оскорбления чувств близких, того, что дети могут обмануть, быть несправедливыми, критике, расставании с человеком, которого любят, потере женственности, выглядеть чужеродно женственной, мышей, пауков и змей.

Наиболее фантастические виды страхования придумали англичане и американцы. Так не только новорожденные страхи и речные, но музантики страхуют также свои руки. Высчитаны и более интересные виды страхования. Например, одна жительница Лондона страхует от несчастного спутника, если бы она или из них вдруг упал на землю. Оноо двухсот английчан застрахованы от несчастной любви. При этом чем стражувей младше, тем он платит более высокий взнос. Страхование от несчастной любви в Америке стоит 60 центов в неделю. Обманутой или помытутой получат одорозную компенсацию, а в некоторых случаях что-то вроде месячной ренты в течение трех месяцев. Один американец, которого бросила жена, сбжез от мужа с любовником, застраховал на случай «возвращения жены. Другой — на случай рождения дочери: уж очень ему хотелось иметь сына. Один пенсионер застраховал от нищеты. Если он обанкротится, страховое общество должно будет предоставить ему бесплатные обеды дважды в день в лучших ресторанах города.

Влюбленные юноши из рода Мануа в Америке приносят своим избранницам миллионы, они ирские наешин, дерука во рту. Если девушка возьмет наместит, она становится невестой юноши.

Люисебург — одна из немногих стран, где замужняя женщина лишена права распоряжаться своей собственностью, она ничего не может продавать или дарить без согласия мужа. Без позволения мужа нельзяйти работать, нельзя ввести свои сбережения. Недавно женщины-органсты Люисебурга организовали специальную комиссию, которая должна предложить правительству проект нового закона, касающегося расширения прав замужних женщин.

Согласно американской статистике, восемьсот пятьдесят тысяч американцев покидают своих жен. В двух случаях из ста причиной развода является другая женщина. Остальные же мужья уходят от своих жен просто потому, что хотят снова обрести свободу...

В Бостоне в соревновании бегу на марафонском бегу на трассе длиной 42,19 км однажды приняла участие женщина — мисс Роберта Бинг из Сан-Диего. Мисс Бинг закончила дистанцию, хотя и пришла и финишу на 3 часа 30 минут позже остальных участинков.

Ежегодно в США около 300 детей рождаются в автомобиле во время езды. Такая детина в метрике в графе «Место рождения» пишется не название местности, где ребенок родился, а регистрационный номер автомобиля, в котором он появился на свет...

«Модный» комплект: накладки ногти и раскрашенные глаза.

Парижанки покупают за месяц восемнадцать тысяч пар искусственных ресниц. А недавно в Париже был даже разработан специальный материал для их наклеивания, благодаря чему обладательницы искусственных ресниц смогут безболезненно удалить, мыть и плавать.

Первый в истории парижанин был сделан в 1909 году. Клиентка, однако, осталась недовольна: завязки продержались лишь несколько часов.

Как-то в Нью-Йорке слушалось дело о краше Обанте газете. История началась так. Неня миссис Лукшар поупала салат блинчатый лавно, принадлежавшей миссис Вразу, энгеричной вдове сраного гандера. Миссис Лукшар, будучи пятидесяти двух лет, была е постоянной поуплательницей. Так как лавоничка была занята, миссис Лукшар обуславив сама себя, авала с прилавка лавешку там странку газеты и завернула в нее салат. Вернувшись домой, миссис Лукшар заметила, что в газете опубликованы матрирические объявления вдовы сраного гандера. Миссис Лукшар, лавонича устроила ужасный скандал. Ведь это была ее газета, она сама поуплатила за издание и собралась поуплатить за услуги! И если бы миссис Лукшар не удрала ее газеты, то бы, миссис Вразу, увидевшая частной супругой материально обеспеченного человека. За тем миссис Вразу предъявила судебную иск миссис Лукшар по поводу кражи обрывка газеты, в зале суда она добивалась возвращения присвоенного конкурентной миссис Вразу, однако, не разделяя мнения лавонички, отклоняла ее иск...

Рисунки И. КЛЕШКО

Если бы меня спросили, какие песни поет Елена Камбурова, я ответила бы: умные песни. И еще — романтические песни. И еще — гражданственные песни. Она почти не поет лодных песен на пошловатые тексты «о ней» и «о нем». Все песни Камбуровой пронизаны большим чувством, хотя сама певица, как и ее любимые поэты, избегает «высоких слов. Ее принцип «о важном — просто». Эти песни имеют подтекст. И слушать их надо, проникая в каждое слово. Именно прощая, потому что за оболочкой их скрыто целое мироощущение, пронизанное, в которое поможет вам Лена:

Фоксинки!
...Сделай чудное чудо,
Ну сделай так,
чтобь повлила
мечал

Искусство Лены Камбуровой честно. Она никогда не поет о том, что не мучает ее в данную минуту. Искусство ее ровное барометру, чутко улавливающему погоду. Выход своим чувствам Лена находит в стихах и песнях, соловучих раздумьях ее поколения. В стихах и песнях Александры Плехутовой, Ноллы Матвеевой, Булата Окуджавы...

Рассказать об искусстве певицы трудно, как вообще рассказать об искусстве. Лену Камбурову нужно видеть и слышать. Но есть вещи, которые помогают кое-что осмыслить. Например, биография. Некоторые, познакомившись с ней, назвали бы глечлами и вынесли приговор: чудачка. Но не «чудачками» ли ирисала земля?
Конечно, многое, что делала Лена в своей жизни, с точки зрения обывателя по-

«БЕДА ЧУДО!»

минания вылились в песнях:

Эти дома без крыш
Словно куда-то шли, шли...
Пшли, как будто были
Не дома, а корабли...

И однадцы сошло решение. А что, если набраться храбрости и рискнуть показать человеку, которому в мыслях познакомиться, с чьим именем связана целая эпоха советского театра — Цецилия Мансуровой?

«Чудачка» читала Цецилия Мансуровой монолог Гамлета. И это было не смешно, это было — боюсь — высокопарных выразительней — впечатляюще, если до сих пор знаменитая антриса помнит о первой встрече с «чудачкой».

Цецилия Мансурова поехала в антрису Камбуrowa, Вена начала учиться в эстрадном училище. Стала петь, читать стихи и прозу. После одного из ее выступлений в программе радиостанции «Юность» — она читала тогда горьковскую «Нину» (каламбурную пьесу с одним актером) — сотрудница «Юности» получила телеграмму из Ленинграда от крупнейшей комедианной антрисы Фанни Раневской. Точно не помню текста телеграммы, но она содержала по меньшей мере три радостных восклицания.

Ну, а потом?

Потом пошло все своим порядком. Она была не одионона. Композитор Кирилл Акимов помог создать ей репертуар. Песни, что поет Вена, звучат в его обработке, а режиссер Татьяна Иванова Буланова много поработала с Леной над сценическими образами песен. Учебка, концерты, радио, телевидение...

...то ж, все приметы успеха налицо! Цель достигнута, остается только творить и наслаждаться, поминная лавра.

Момент быть, для другого оно и было бы так. Но только в Ленин.

Кто-то тогда-то бросил крилатую и теперь довелась заветную фразу «муж творчества». Что это такое, и что в ней правда, тогда, когда узнала Лену, побывала на ее концертах (из историй не было двух одинаковых), увидела ее, забившуюся в угол и зто плачущую, прочитала строки ее дневников... «Что такое успех? Настоящий успех был у Ирины

д'Арн, когда она горела на костре».

«... песне «Художник» была попытка рассуждать на тему об искусстве. Отправные для себя наихудшие намерения — занавес судеб человеческих и художественных. Искусство всегда выстраданно! И оно гордо своим бытием, своей жизнью».

...И ничьи ее ручищи не скватили, Хоть юности по ее лицу прошли. Много раз за ту картину заплакала. Но купить ее ни разу не смогла».

«...А в «Ветре» сегодня был ветер. Я хватаю его в охапку и бью. Боюсь бью ни тех, кто не понял ничего, не видит ничего, кто сидит себе тихо, ни во что не вмешивается. О чем песня «Ветер»? О раздумьях...».

Какой большой ветер! Ох, какой вихрь! А ты глядишь юною. А ты слышишь так. И высокой силой Тебя невольно струсит. Скорей Нептун слезет Со своего трона. Какой большой ветер!

«...Артист должен уберечь повесть за собой. Должен быть оратором, вондем. Так густь не — ну хоть на время — ты заболешь мажней величия. Ведь все равно этого никто не заметит. Только крепче будешь стоять на ногах. И в черту — робость! Вот так!»

«...Глубочайшая философия и острейшая эмоциональность — рана об руку с песне, во всем, о чем рассказывала».

«...Приходишь ребята из МГУ. Принесли букет тайных роз. Ей-богу, это за мои вчерашние страдания. А они пишут — за вчерашнее счастье слышать меня. Господи, если бы они знали, как мне трудно были их цветы!»

Иной момент восминкуты: «Вечно работа, вечно мучение. Какая радость от такой жизни!»

Для другого, момент быть, и не так. Но не для Лени. Я знаю ее. Знаю, что домашнего грюна не даст она за все блага мира, если не будет с ней одного из величайших его благ — вдохновения.

назлась бы по внешней мере неразумным: бросить дом, институт, приехать в Моску, ни одной души не зная в этом городе. Считать-ся, спать на вокзалах, быть разнорабочей на стройках, мить полы и стирать. И все это ради несамостоятельной надежды — стать антрисой.

Как? Стать антрисой? Вам? С вашим достоин и внешностью, с робостью, угловатыми манерами?

Тан (или примерно так) встретили ее в одном из театральных училищ Моски.

Прошла еще год в синтетиках по чужим углам. Снова проба, снова отказ. У него кошачьи опустится гуны, — Что ж, — решила она, — начнем все сначала.

Работа на стройке, выступления в самодельности — обо всем этом вонючо было бы писать роман. Ее воспо-

На снимках:

«Какой большой ветер! На ретельцах новой программы. У руля композитор Кирилл Акимов.

Раздумья.

Олег СМЕРНОВ

ДЕВИЦЬЯ СЛОБОДА

РАССКАЗ

— Ты, милая, пытаешь, почему деревня наша прозывается Девичья Слобода? Потому и прозывается, сплону леку деревня славилась на белом свету. Ох, чего за девин были! Чего тебе грудь, чего тебе зад, чего облачачи — ризыме да белыи, всем валли! А уж работницы... от зореньки зореньки во поле. Сплону леку савты и нам ездит со всей округи, вот те крест святой! — шикса склеила три узловатк, темных, истрепаных пальца, толкула мич в лоб, в плечи, в плоскую чаклую грудь; драная нофтенна была растегнута, выглядываи тусило-серебристой, оловянный, что ли, крестик на нитке. — Каких уволил на сторону, каине на деревне оставались, а в девках нитко не заскиновался. Вот те крест! — Да я вам верю, бабуся, — сказала Лена. — Еще бы не верила, — сказала бабуся. — А уж во замужества — справней жибки нашей, слободской, нету. На ей дом-то доржнтся, дитишки и мужики — все на ей держатся!

Высоцкий зануку, покрутил головой, как бы скрывая этот жест, и сказал: — Было дело под Полтавой, только давно было. В настоящий момент савты будут безработные, изю всех девки и, я извинокса, жонци в Слободе налицо вы, бабушка-старушка, да внучка Танька. Точно говорю!

— Точно, милый, точно. — Бабуя закивала, поправила край плащ-палатки, которой была прикрыта девонка, и томе занукула — будто выдохнула судорожно. — Нету баб, нету девон. Поугонял герман, а кого порешили в лесу, и мою донцу порешил в скворне, Таньчину мамку. Сидели в ямце втрех, герман — гранатой, мы с Танькой — ничего, только надугались, а Варвару насмерть, жмот раздеротило.

Бабуин голос прескиси, по морщинистости, дребль щемая побояли мутные слезы. Она вытерлась ночничном платка и отвернулась. Лена молчала, а Высоцкий сказал: — Ну, что ж убиваться горем, не вернешь, война... Давайте лучше выпьем, поминем понойну... Бабуя перестала плакать, высморчалась в ночнич платка и сказала: — И ты, милый. Поминем понойнцу, рабу божию Варвару!

Высоцкий отцепил от пояса трофейную флагу в сумонном чехле, азоблитул, сокружился: — Ром будем употреблеть, бабушка! Ты знаешь, что танко ром? — Не знаю, милый, не знаю... А я вас булбочной угощу, знаешь, что то за булбаш? — Картока, бабушка Матроча! — Знаешь... Да вы, голудин, раздевайтесь, ноги заглянули но старухе, полушубочни-то сымайте. У вас не жарко, обуасы, сказала Лена. — могла бабе убирать с досок, лежавших на чурбанках-подставках и сплуживших столон, мамке-то трипки, банки, ржавые и обгоревые гвозди. — А впрочем, раздевенесь, да, Вита! — Раздененесь, сказала Высоцкий и растегнул пугровци новенького, будто со силлада, полушубка. Лена понохала местную иржунку и сказала: — Ну, за Варю. Чтой ей пухом была землячка.

Рисунки В. ЮДИНА

Много, нетерпеливо листающий свежие выпуски научных журналов, то и дело хлопает себя в лоб, что в его науке вот-вот прорыв! Нет, не так серьезно. Давно ли бушевала буря страстей, вызванная открытием генетического кода, а уже чувствуется, опускаясь благодать новой бури: ведь страсти неизбежно разгораются всякий раз, когда науке удастся одолеть какое-то фундаментальное явление природы.

Мы находимся сейчас на пассажирском скором поезде, напряженно глядящим в вагонное окно. Еще лес мелькает перед их глазами, но какой-то другой, недвоякий, вытоптаный лес, вот сейчас он обернется и откроется горой!

К какому же городу приближается экспресс биологической науки? Случайно ли совсем недавно, скажем, в СССР сократили асистирующие на генетические исследования и фундаментальным финансирование эмбриологии?

Способ неподобия

Эмбриология — наука о развитии организма. Многие десятилетия сотни лет она описывала, как из яйцеклетки возникает зародыш, который затем становится взрослым животным или растением. Сначала яйцеклетка делится на две зародышевые клетки, затем делится каждая из них и так далее, много, много раз, и вместе с тем клетка становится все больше и больше. Другой путь — путь на ту исходную клетку, от которой началось развитие организма.

Генетика должна ответить на вопрос о способе, которым достигается ПОДОБИЕ действия. Или ответит: клетка подобна потому, что в них синтезируются одинаковые белки, а белки одинаковы потому, что их строение закодировано в генах, а хромосома способна строить себе подобную, так что при делении каждая из дочерних клеток получает такую же хромосому, какие была у материнской.

Эмбриология должна ответить на противоположный вопрос: каким способом достигается НЕПОДОБИЕ дочерней и материнской клетка? Если генетика права и клетки взрослого организма имеют тот же набор хромосом, каким обладала яйцеклетка, то почему же все эти клетки разные?

И эмбриология отвечает: потому что способности хромосом использовать в них по-разному. В каждой специализированной клетке активно работает лишь небольшая часть генов, которые синтезируют соответствующие белки. Остальные гены как бы выключены.

У некоторых животных активно работающие гены можно даже увидеть: в зрелом мушкетере — это выдува. Меняются выдувные ушки — меняется и сама клетка, потому что они начинают синтезировать другие белки.

Таким образом, ответ эмбриологии не противоречит ответу генетики. Клетки могут быть разными при одинаковом геномном запасе. Не так ли милашек подкачивает «Смесь»? Почему милашек одинаковых журналов, но один читатель вырывается в детскую пещеру, другой ищет страничку со стихами, а третьему, быть может, даже статья про науку? Журнал тот же, а его эффективность в каждом случае определяется самим читателем.

Каким же способом клетка выбирает нужные ей гены?

Об этом и речь. Вопрос, на который мы не можем, но, кажется, скоро сможем ответить.

Нужна модель

Опыт науки показывает, что самое героическое усердие и самые великолепные таланты пропадают впустую, когда проблема решается на неудачно избранном объекте.

Великое множество животных и растений обитает на земле, великое множество разных клеток есть у каждого из них, каждая клетка проходит множество стадий в своем развитии. Какие клетки избрать объектом лабораторного исследования, чтобы было удобно и в глубине явления, не увязая в осложнениях, не имеющих отношения к делу?

Пожалуй, сознательно такие клетки никто не выбирает. Просто по ходу работы разных лабораторий в разных концах планеты выявлялись случаи, исследование которых давалось вперед, особенно быстрыми темпами. Некоторые (немногие) клетки сами доказали, что их изучать особенно выгодно, что интересующее нас явление представлено в них в простой и чистой форме, что его легко воспроизвести, а сам объект дешив и не труд в обращении.

Между этими объектами оказалась нечто общее: во всех случаях было касается изменения уже сформировавшихся клеток под влиянием гормона. Вот они:

МОДЕЛЬ ПЕРВАЯ. Врачам давно известна болезнь Аддисона, при которой среди прочих нарушается процесс антагонистический термин натрий (в форме хлористого, проще говоря, поваренной соли). Клетки почки должны следить за тем, чтобы соль не уходила из организма, должны возвращать ее в кровь. А они этого не

делают. Вот организм и обессоливается. Сами почти при болезни Аддисона здоровые, пораны лишь опыные белыми, надпочечники. Но клетки почки умеют переначивать натрий только до тех пор, пока в крови имеется гормон коры надпочечников — альдостерон. Заболели надпочечники, страдать и работа почек.

Это еще не модель. Почка человека, даже почка лабораторного животного — слишком великанный, трудный объект. Нашелся попороче: морской пузырь морской. Его клетки тоже способны переначивать натрий только в присутствии альдостерона. Сама маля ни к чему. Пузырь вырастает, наполняют его соевым раствором, помещают в другой раствор, и можно следить за перемещением натрия через стенку пузыря. Условия опыта модально просты.

Однако при чем тут проблема развития? Легко себе представить, что альдостерон садится на ионоточную оболочку (мембрану, как ее называют физиологи), меняет ее свойства, и она приобретает способность переначивать натрий.

Там тоже могло быть. Но точные опыты показали, что альдостерон оказывает свое действие совсем другим, линейным путем. В присутствии этого гормона прежде всего меняется состав белковой оболочки клетки, и тогда и вот возникает новое физиологическое явление — способность переначивать натрий.

Это уже интересно. Это уже, несомненно, модель того явления, которое нас сейчас интересует.

МОДЕЛЬ ВТОРАЯ. Еще на заре развития советской биологии много шума наделали опыты профессора М. Ханна Михайловича Заводского, который брал оплодотворенную курицу и делал из нее петуха. У птицы менялся весь состав, посуда колула, перья, вырастал гребешок, взамен победное мушкетера. Поведение менялось. Новополесенный диететиком гонимый за дурака, так будто отроду носил петушиные шпоры. Настоящего петуха Заводский так же спойноно мог превратить в курицу.

Вся эта история перестройки организма достигалась довольно простым (в принципе, конечно, а не для рук экспериментатора) путем — путем было убирать собственный источник полового гормона и ввести гормон противоположного пола.

В биологической науке вновь назревают интересные события. Вслед за блестящим успехом в расшировке механизмов наследственности и ученые готовятся к новому прорыву в тайны природы. На этот раз их внимание устремлено на механизм управления развитием живого организма.

Замечательнейший пример направленного изменения самых разных клеток — это явление единичного химического агента!

Точнее говоря, в опытах Заводского агента было два — самцовый гормон, действие которого сначала нужно было предотвратить, и чужой гормон. После ряда безуспешных упреждений опыт пришел и его современная — гораздо более удобной форме.

У крысы-самки заранее удаляются личинки и источник полового гормона, и в конце развития матка таких крыс покрывается из клеток, имеющих нехарактерный вид. Если крысе ввести менсний половой гормон — эстроген, клетки вымрут, перестанут появляться. Вот и все.

Оказалось: клетки перестраиваются потому, что в присутствии эстрогена их ядро начинает производить новую РНК. Генетический аппарат клетки начинает использоваться не так, как было без гормона.

МОДЕЛЬ ТРЕТЬЯ И, ВОЗМОЖНО, САМАЯ УДАЧНАЯ. Насекомые периодически линяют. Линька — дело серьезное: старая ювонка сбрасывается, и клетка, лежащая под ней, образует новую. Короче говоря, эти клетки меняются функционально на глазах.

Линьку вызывает особый гормон — эдизон, который научились получать в чистом виде.

Среди клеток, преобразующихся под действием эдизона, оказались и клетки, которые обладают своим гигантским ядром, являющимся центром в сими хромосомы генетиков. Это знаменитые мушкетеры — мушкетеры, так звали клетки и у мотыль, которые владевшие анаморфным корням своих рабочих яды мотыля личинка комара, мушкетеры родственники.

Клетки большие, хромосомы гигантские и хроматин несложен. Очень удачное сочетание обстоятельств. Именно они позволили обнаружить эффект, который, возможно, усложнили бы в внимания при изучении добрых других клеток, но позволили заметить на первое заметное изменение в клетке — изменение в ее хромосомах — исчезали один из витков и появлялись новые. Опыт можно повторить неоднократно, и результат будет одинаковым. Это значит, что в мушкетерах и тех же закономерных участках хромосом.

Гормон преобразует клетку, меняя весь антигенный генов на хромосоме! Как он это делает?

На фотографии, сделанной с увеличением в 700 раз, видна часть клетки. В клетке — ядро. В ядре — митоз хромосом, в которых эмбриональные наследственные информации по-прежнему формируются. Почему всякое клетка использует эти информации по-своему? Можно ли активно влиять на развитие клетки, направляя работу хромосом?

Прежде всего заметим, что во всех трех случаях — касалась ли дело того или иного гормона — события развиваются по единой схеме. Есть клетки, не знающие гормона, — исходная форма. Затем они встречаются с ним и преобразуются, становятся, по сути дела, другими клетками, с другими свойствами. Первые изменения отмечаются в генетическом аппарате: не проходит и нескольких минут после появления гормона, а в ядре уже идет синтез новой РНК.

Ошеломляющее сообщение

Итак, первый вывод — гормон действует не на клетку вообще, а на ядро. (Заметим, что все три гормона химически родственны.)

Каким образом? Опять этот вопрос! Кажется, мы только и делаем, что повторяем его с самого начала статьи.

Но он неумолимо! Попробуем иначе. Единичное химическое вещество действует на единичную клеточную мишень. И клетка меняется. Все.

Так что же, присоединяется, что ли, гормон к хромосоме, прикрывая собой молекулу одной гены и отключая прикрытие с других?

Кто знает... И вдруг из Швейцарии ошеломительное сообщение: гормон — эстроген меняет конституцию ионов натрия и калия в ядерном соке и именно таким способом вливает на хромосому!

В 1966 году все взоры прикованы к мотылю. Что там еще с этим эстрогеном?

Новое сообщение. Эстроген не нужен. К черту эстроген! Если вы прямо, непосредственно, без всякого гормона измените ионную среду хромосом, их генная активность изменится так же,

как под влиянием гормона. Те же условия возникают на хромосоме. А если вернуться к старой ионной среде, новые ионы исчезают, зато возвращаются старые. Хромосома омолаживается! Развитие идет задом наперед!

По коридорам научных институтов прокатывается волна замешательства. Но здесь же, а коридорах, наиболее бойкие умы начинают теоретически осмысливать происходящее. Ага! Генную активность регулирует ионная среда. А гормон регулирует ионную среду. Все понятно! Гормон садится на клеточную оболочку, меняет ее проницаемость для ионов. В клетке, а значит, и в клеточном ядре создается новая ионная среда, и у хромосомы меняется ионная активность!..

Новое сообщение. Клеточная оболочка не пухляк. К черту клеточную оболочку! К черту клетку! Можно работать с изолирующими ядрами и получать те же самые эффекты.

Ионов мало, а генов много

Переведем дух и попробуем оценить обстановку.

Очевидно, можно считать установленным, что прямого действия гормонов на хромосому нет, то есть гормон прямо не вливает на развитие. Между гормоном и хромосомой имеется по крайней мере одно промежуточное звено — ионы. При этом гормон изменяет, по-видимому, ионную среду не внутри всей клетки и в том числе ядра, а только внутри ядра.

Здесь надо вспомнить, что года три назад эти крупные клетки славной школы высочайших исследователей биологии. Они ввели в клетку очень тонкие микроэлектроды и показали, что имеется заметная разность потенциалов между жидкостью, наполняющей ядро, и жидкостью, которая его окружает. Это значило, что ядер-

ная оболочка образует барьер на пути ионов, — довольно неожиданный вывод.

Во время, хотя это было совсем недавно, никто не мог оценить всей важности факта, установленного биологами. Сейчас он звучит иначе. Если существует такой барьер, то, изменив его ионную проницаемость, можно менять картину ионов внутри ядра. Каким способом меняется проницаемость ионных барьеров в клетке, давно известно на примере наружной оболочки клетки: в ее составе есть особые белки-средства, имеющие химическое средство к веществам, выделенным в чувствительных нервных окончаниях.

Есть ли подобные рецепторы в составе ядерной оболочки? Работы последних месяцев говорят, что да, есть. Исследуют рецептор, принимающий на себя эстроген. Удалось показать, что этот рецептор — белок, удалась это белок очистить, но пока неизвестно, где он находится в живой клетке.

Факты, как видим, разрозненные. Но если усилем воображения, сообразить их в единый фокус, они дружно утверждают: УЖЕ НАЦИОНАЛЬНЫЙ ПОСРЕДСТВОМ КОТОРОГО КАЖДАЯ КЛЕТКА ВЫБИРАЕТ ИЗ ВСЕЙ НАЛИЧНОЙ ГЕНЕТИЧЕСКОЙ ИНФОРМАЦИИ ИМЕННО ТО ДОЛГО, КОТОРАЯ НЕОБХОДИМА ЕЙ ДЛЯ РАЗВИТИЯ В НУЖНОМ НАПРАВЛЕНИИ. ПОЗНАВ МЕХАНИЗМ ЭТОГО ВЫБОРА, НАУКА СМОЖЕТ ДЕЙСТВИТЕЛЬНО УПРАВЛЯТЬ РАЗВИТИЕМ КЛЕТОК. За этим званием теоретической биологии неминуемо должны последовать существенные успехи в разных областях практической биологии и медицины.

Итак, путь выдвинул, но его предстоит пройти. Данные, которыми би-

ологи располагают сейчас, недостаточны для обобщений, они слишком единичны, несогласованными, им далеко до той законченной ясности, той стройности, к какой пришлось в свое время исследованию нуклеотидного кода. На некоторые вопросы очень трудно ответить. Мыслимо разнообразие ионов внутри клетки и внутри ее ядра значимо мало в сравнении с разнообразием, обилием генов. Как этими средствами обеспечить все возможные картины генной активности хромосом? Может быть, новым способом определяется выбор одной из двух возможных картин, а сами эти варианты predetermined с помощью какого-то неизвестного нам механизма. Чтобы пояснить эту мысль, вернемся к нашему старому примеру и представим себе молодую супружескую чету, по-настоящему по любви свежий номер «Смены». Молодой муж, будучи он один, взыскал бы за чтение оного со своем любимом холостяке, жена же — большая любящаяница поэзии. С чего же начнут они чтение журналь Мах не знаем. Но кто бы из них ни уступил, заранее можно сказать, что читать наши юные супруги будут либо стихи, либо оного холостяке, выбор произойдет только между этими двумя возможностями.

Вот на такую роль — роль дополнительного фактора, выбирающего между двумя заранее определенными возможностями, — ионы как будто годятся. Впрочем, это в общем-то домысел. На большее сейчас вряд ли кто-нибудь рискнет.

Тащи его за хвост!

Легко быть критиком — искать противоречия в результатах экспериментов, высказывать всякие сомнения. Легко иронизировать над охотниками, столкновениями у пещеры, из которой выстула колесика выведомое чудовище. Угадай попробуй, какое

оно! А тут нужно не просто угадать — предаться нужно за хвост и тащить зверюгу из пещеры.

А ну как эхостимулятор!
Тот kinetic хвост, те немногие факты, которыми сейчас располагают биологи, убеждают: добыча будет завидной. Наука может овладеть закономерностями, которые позволят урвать работную клеточного дара. Это очень много.

Простая аналогия поможет нам хотя бы отчасти описать открывающуюся перспективу.

Когда-то, очень давно, в конце прошлого века, возникла идея, что на поверхности клеток нашего организма есть особые приемные устройства — рецепторы. Мы их уже司空见惯 — ушными. Через эти рецепторы и действуют разные вредные и полезные агенты.

Эта идея получила полное подтверждение. Например, по нерву поступает сигнал, заставляющий мышцу работать. Почему, расслабленные прежде, мышечные клетки начинают сокращаться? Их окончание нерва выделяется особое активное вещество — медиатор, а у мышечных клеток есть приемники, рецепторы, настроенные на прием этого медиатора. Соединение обоих веществ — первый шаг перехода клетки в рабочее состояние.

Таким способом регулируются практически все клетки организма, у них есть рецепторы, настроенные на восприимчивые и нервные и всяких других регуляторов. Изучение таких клеточных рецепторов открыло перед медициной классические возможности.

Если не поленишься и разложить все лекарства на кучки — по механизму их действия, то самой большой окажется группа антагонистов, тут зырок и пилула, действующих на рецепторы клетки. Мы найдем в этой группе лекарства, помогающие при самых серьезных болезнях — таких, как гипертония, астма, изжога желудка. И когда у нас просто течет из носа, мы капаем в нос какой-нибудь санорин или эфедрин, который действует на доз и сжимает эти сосуды. И когда хирургам важно, чтобы больной не дрыгался во время операции, они вводят ему так, записывающий рецепторы мышечных клеток.

Так медицина реализует идею о рецепторах — входных устройствах клетки.

Сейчас забрехала идея, что свои рецепторы есть у клеточного дара. Значит, и здесь возможно создать арсенал фармакологических средств, дать медицине новый вид оружия. В каком же битвах оно будет примениться?

В самой общей форме на этот вопрос ответить можно.

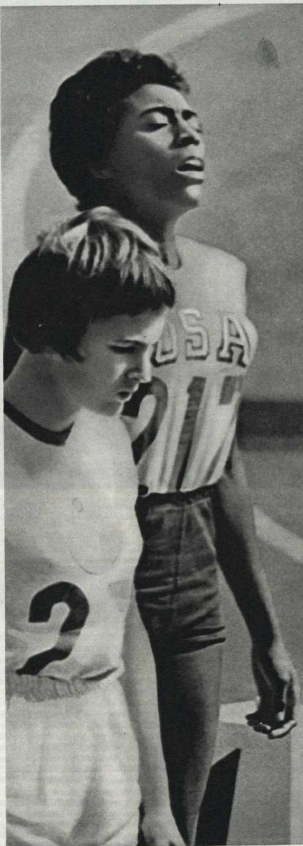
Лекарства, действующие на клеточные рецепторы, по сути дела, управляют режимом работы клеток: включают их в работу, выключают из работы, выводят из-под влияния других регуляторов.

Ножное оружие, использующее ядерные рецепторы, будет управлять работой специализации клетки. Всякий раз, когда большому организму не хватает клеток того или иного профиля, ему помогут эти новые лекарства.

Конечно, до этого еще далеко. Очень далеко! Чтобы сделать шаг из зайца, надо иметь зайца. Самая суть явления, главные черты биологической закономерности еще скрыты в черной тьме.

Но кончик хвоста из пещеры торчит! Есть за что тянуть.

Микрофото В. ДРУЖКОВА

Наталья КОЛЕСНИКОВА

Есть такой очень известный альпинист — Биталий Михайлович Абакалов. Кроме того, он еще и отличный инженер, конструктор множества зитроумных приборов. Эти приборы могут с большой точностью показывать, насколько в данный момент удар Челюскин сильнее удара Стрельцова (или наоборот), измерить заряд энергии, который необходим для двухчасовой тренировки борца или боксера, сравнить мощность толчка в Беге Лидии Сибиряковой и Валентины Станюкович. Словом, оправдать и зафиксировать степень физической тренированности человека. Но даже абакаловская лаборатория Всесоюзного научно-исследовательского института физической культуры не имеет прибора, которым можно было бы измерить степень психологической подготовленности человека к сильнейшему испытанию.

Мы часто повторяем фразу: «Спорт — средство физического и морального воспитания, «Соревнование требует от спортсмена напряжения всех физических и моральных сил». Но при этом вторая половина формулы редко конкретизируется. А ведь любовь состязания, история любого рекорда убеждают, насколько важна для победы именно моральная, волевая подготовка спортсмена.

Чтобы поднять потолок высоты, Валерию Брумелью нужно было преодолеть некий психологический барьер: «Возможно ли вообще прыгнуть выше? Ведь никто раньше взял 2,28 и не пытался... Неужели я буду первым!» Брумель этот барьер преодолел. А десятки других способных прыгунов до сих пор так и не смогли этого сделать.

Французы несколько лет назад сняли документальный киноочерк «Десять сильнейших горнолыжников перед стартом спортивного сезона». Приветливо улыбаясь Тони Зайлер (он был и остался в тот раз чемпионом), Бельенг невольно кричит губы австриец Шранц. Опустил глаза, сложил руки на груди, будто молится, вплыви в Гайди. Как же потеря самообладания может стать ровной, и каждый готовился преодолеть эти мгновения по своему.

А что труднее: собрать волю в кулак на две минуты или растянуть это напряжение на несколько часов?

Больше пяти часов длится гонка хтсменов. Но первым, вторым или третьим гонцием, бывает, приходит с интервалом в считанные секунды. Значит, часами идет борьба за секунды.

Итак, напряжение всех моральных сил (оставим сейчас силы физические на пополнение тренеров, которые заботятся о них достаточно)... Спорт все более становится не только борьбой мышечной, но и борьбой нервов, в которой каждый ищет свои средства защиты.

На последнем чемпионате мира по гимнастике и помосту сбегались все фотокорреспонденты, когда выходила команда американских девушек. Уж очень забавно оставались они свои новачки. Каждая ставила на ирашение помоста свой амulet — зеленого зайца или черную кошку...

Подумать приходится улыбаясь. Кроме анимой женской принудим, тут есть еще нечто: человек внушает себе, что зрельный прыжок — удача. Здесь же, наверное, стоит вспомнить и знаменитую виланую шалонку тренера В. Маслова, которую считают счастливицей в футболке новачка «Динамо». Надо ли так поспешно отгнать зайца, шалонки прыжки катюшны удаче, сопоставляющие спортсменом, если они способны хоть на малю поддуть у них уверенность, удержать веру в себя, в свои силы?

Предстартовое волнение...

Как преодолеть его?

Спорт —

это не только борьба мышц,

но и борьба нервов.

де стороннего наблюдателя Париж зимой 1830 года был обычной, шумной и развлекательной жизнью. В Булонском лесу постоянно прогуливались эрцгерцоги. От модных парижских веселых новых фасонов платьев, роскошных и, как бабочки, одноцветных. В Люксембургском саду по утрам почтенные мажорны и нини хлопотали вокруг своих оторванных отпрысков.

Но для парижанина-художника год бурлил, кипел, вращался, раздвигался на два перпендикуляра лагерь: классический, мечтавший об искусстве гармоничном и просветленном, таном, кляном бывало некогда в античные времена и в пору Рафаэля, и романтиков, которые все настоящее и эстетически прекрасное классическое на Парнасе. Но романтики тоже не были едины. Романтизм — скорее общее душевное состояние, дуновение ветра эпохи, нежели четкая художественная идея.

Французский критик Лео Бенуа писал, что романтизм провозгласил себя «интересом к прошлому, и отчетливости истории, отрицанием живописного вклада готик, развитием лиризма и страсти, пришествием крайнего, иногда идеалистического реализма, расширением сюжетного отношения не всем расам... и, наконец, тоской, несостоящей по Востоку». Романтиками были Байрон, Шлегель, Гюго, Жерико, Делакруа.

Зимой 1830 года сто ветерков погрозил, после того как опуселись занавесы спектакля по «Эрнани» Виктора Гюго и считался оконченным, в зале поднималась настоящая буря. Фанатичные поклонники романтизма бешено кричали «бис», а их противники в не меньшей энергией оживляли антиво. Театральный зал превращался в поле битвы за новое искусство. Здесь почти наверняка можно было встретить Лео Бенуа, Франсуа Шюппа, Александра Дюма, Теофиля Готье, Ламартина. Мог быть и сам Лео Бенуа, Зинаиде Делакруа. (Когда иностранец приезжал в Париж, его нередко озадачивали коварными вопросами: кто из Делакруа? Великий Энгр был признанным вождем классицизма, а почему Делакруа мог быть знаменем романтизма? Мог быть, но не был. Деятель, тридцатилетний Делакруа не любил шумных демонстраций. И когда в него влетало, он всегда снова оборот баррикадника, Делакруа тогда не было среди сражающихся.)

О чем говорил это чабур в биографии Делакруа — 20 фальшарголдовых спешащих к нему в гости, а сам себя как трезвого предвидения парижанин? Однако как бы то ни было, через несколько месяцев художник сообщит своему брату: «Я приехал в Париж — «Баррикады». Если я не справился за неделю, то нечего и рассчитывать, я буду делать живопись в ее честь». И вот в это же самое время у него есть два весьма выгодных заказа, он немедленно начинает свою работу 25 ноября 1830 года, или «Свобода на баррикадах».

В последний вечер 1830 года Париж жил напряженной жизнью. Было ясно, что новый герольд Людовика-Филиппа не лучше старого Людовика-

Филиппа. Многие, слышное многое оставалось. «На долгие» других революций. И кажется удивительным, что эрцгерцог Делакруа продолжал в этой обстановке писать картину. Он словно ставил памятники революции 1830 года и призывал не забывать тех дней.

Искусство молодого Делакруа дает точный ответ, почему художник написал свою картину. Удивительный и драматический живописный эпизод о габельных людях в открытии моря. И тогда уже он решил, что живопись должна не слепо следовать идеалам высокой классики, которую он и сам любил, а говорить о чувствах людей, передавать их внутренний мир — очень нетривиальной бурной, чредатой взрывами и загадочной. Самые сокровенные тогда по своим идеалам исторические люди (находясь же при этом рядышком еще в той старой) он хотел писать широкой свободой, с такой энергией и силой, чтобы «привнес» не австал как преграда между зрителем.

У Делакруа все в движении и борьбе красочных пятен, света и тени. Он стремится к яркости, не стесняясь, не стесняясь. Главное для Делакруа — оригинальность воображения. Пятина характера человека в необычайно драматических моментах, когда он действует стихийно, в состоянии аффекта, словно в озарении измощно высшей идеи. И не случайно Делакруа пишет «Резни на Хюссес» и «Грешно на различных Невсалин» — страшные, трагические эпизоды войны греческого народа за независимость, война которой поглотила Байрон. Что было современное такое событие?

Эта стена эмоционального взрыва, когда реальное событие становится для него почти легендарным «художником», есть и в «Свободе на баррикадах». Делакруа не защищал баррикаду, но как ораванный, бросил он по разбухшим выстрелам парижским улицам и бульварам. Вера ли он стоял и сплюснул идею обстоятельные зарисовки, человек с карандашом. Или это было востановление. Но так же, как и абсолютный глаз. Художник подосознательно вбирал в себя все и виденное.

И первый рисунок — почти документ, хроника тех дней. Эпизод востановки с войсками, изображенными намеренно точно и четко. Многие потом шло, не оставив следа, но не историк герон начал свой путь в живописи.

В ней властвует уже иное настроение. Делакруа строит ее, как повелювец свои войска перед сражением, и в программу, и художник выполнил ее очень метко. Но торча чужасть масштабом, арониче тех дней. Эпизод востановки с войсками, изображенными намеренно точно и четко. Многие потом шло, не оставив следа, но не историк герон начал свой путь в живописи. Делакруа строит ее, как повелювец свои войска перед сражением, и в программу, и художник выполнил ее очень метко. Но торча чужасть масштабом, арониче тех дней. Эпизод востановки с войсками, изображенными намеренно точно и четко. Многие потом шло, не оставив следа, но не историк герон начал свой путь в живописи.

«Холодная точность не есть искусство; избыточное мастерство, когда оно пытается или когда оно что выразить — искусство подлинное. Пресловутая сознательность у большинства художников есть не что иное, как усвоившийся традиционное искусство навороты скуки. Эти люди, будь это всеобщее, с толпой же вечными стараниями обрабатывали бы и изгнаны своих картин» — записки в своем дневнике поздней художник. — Мастерство в живописи всегда должно оставаться непрофессиональным.

«Удивюсь и «Грешно» для себя картину. Делакруа писал ее быстро и с неслабым напряжением. Кажется, что он львет в потоке событий, забывшись в общем порыве и энтузиазме своих героев. Но для частности здесь нет места. Делакруа — большой мастер и знает, что и как он хочет сказать своей картиной. Он решительно «отнаживает мгновенье» в кульминационный момент, когда момент наивысшего напряжения.

Вот они идаль, парижане 1830 года. По-римассерски уныло и безжизненно нашел художник в разрозненности людей своих героев. Рабочий в плаще, национальный гвардеец, студент (он кажется напоминает самого Делакруа), парижский мальчишко-гаиш (таким бюджет Гаурих через двадцать лет в романе Виктора Гюго). Все они на разутьши на баррикадах, чтобы вместе сражаться за справедливость. Делакруа не хочет упустить реальные подробности борьбы, ее жестокость. Первый план занимают тела погибших; нагрудники, в последний раз приписаны с именем. Глаз невольно тянется к фигуре Свободы.

Делакруа сознательно отказывается от симметричности построения, свешенной и неадекватной для школы классицизма. Энгр. Он ищет динамики построения, чтобы действие раскрутилось вправо, влево, по кругу. Первые план занимают тела погибших; нагрудники, в последний раз приписаны с именем. Глаз невольно тянется к фигуре Свободы.

Делакруа сознательно отказывается от симметричности построения, свешенной и неадекватной для школы классицизма. Энгр. Он ищет динамики построения, чтобы действие раскрутилось вправо, влево, по кругу. Первые план занимают тела погибших; нагрудники, в последний раз приписаны с именем. Глаз невольно тянется к фигуре Свободы.

Делакруа сознательно отказывается от симметричности построения, свешенной и неадекватной для школы классицизма. Энгр. Он ищет динамики построения, чтобы действие раскрутилось вправо, влево, по кругу. Первые план занимают тела погибших; нагрудники, в последний раз приписаны с именем. Глаз невольно тянется к фигуре Свободы.

становится легче не только по мере приближения к глубинам, но и поворачиваясь вверх, и поэтому Свобода горит, кажется, парит над баррикадой, надеясь вроде бы вместе с бойцами и одновременно в каком-то ином измерении.

Во френгиском колпаке, с трехцветным национальным флагом, эта женщина такая же, как и другие парижанки. Но она и богиня, всевластная, легендарно сильная. Она словесно, как Венера Милосская, легка, как Диана-охотница, стремительна, как эллинистская богиня победим Нике Самофракийская. Она написана так, что ее фигура словно излучает свет, а линия у Делакруа всегда пружинистая, гибкая, очень живая. Рядом со Свободой одержимый бесшабашным безумством зрачков парижский мальчишка. Так реальность и вымысел, патетика и фант соседствуют в картине.

дела ее неопровержимо доказательной.

Художник показал свою «Свободу на баррикадах» парижанам в Салоне 1831 года. Значительность ее уже тогда не вызвала сомнений. Казалось бы, мастер, обласканный новыми нравами, мастер писать Парки и паркиам. Но его сососом не адоковала мудрая проза буржуазного бытия — ни ее обличение, ни ее восславление. В таном существовании не было никаких идеалов... Делакруа охотно едет с инспекцией в Алжир, снова пишет исторические полотна. Пишет замечательные портреты Шопена, Палганини. Он остается художником очень современными по чувствам своим, работающим в силе, свободной манере, отвергающими συμβαλητινες каноны. Это не по нраву официальным кругам, ценящим спокойный, размеренный ход жизни.

Шесть раз «заваливают» Делакруа, когда он хочет войти в академию, чтобы там бороться за реформу искусства. Сам министр изящных искусств прозрачно намекает, что у Делакруа перестанут пунуть работы, если он не кутихомрмит свой стиль. Книжкин Браныным эпитетам не награждала его недруги! Для них его гениальная миста была жасго-наваого «классной метлой». Они и не видели и не хотели видеть, что искусство Делакруа не только нарушает догмы, но и создает новое живописное романтическое понимание мира...

Однако силои и житейская суета отнимали слишком много душевных сил.

С годами Делакруа озлобился, стал бродягой. Он не знал, что и Огюст Домье и юные импрессионисты с восторгом смотрят на его работы, и чувствуют себя одинокими.

Художник написал не одну замечательную картину. Некоторые из них вроде бы «лучше» «Свободы... И востани она остается самой известной из них: ведь в ней сама атмосфера времени, дух его выведены наиболее эволюционно точно. Она манифест устремленной эпохи, такой же, как поэзия Байрона, музыка Шопена и Бетховена.

«Свобода» Делакруа стала символом свободы народа Франции. В дни Парисской коммуны, уже на плакате, она снова вошла в бой. Потому что Делакруа, говоря словами Поля Элюара, изобразил не только «толпу и марш» в толпе, истощил сил его и муж его истощен, но и «свет, который... над смеюной дией замечен, надежду, кровь, истерию и боль».

ЭЖЕН ДЕЛАКРУА. «Свобода на баррикадах». 1830 год.

В. РАКИТИН

Вышла книжка стихов Майи Румицовой. Бальное название «Доверие». Бальное? Не бальное, чем слова «наде», «лес», «утро»... Мы честные, мы безыскусные и особенно значащие хотим быть — есть — но ринелиш наше — дерби. Помню, как тебе хотела назвать свою книжку «Доверие». Мой радостно — по Михаилу Дункону инкрустирован приписки а — название злоговина книжине кинное чернильное «НЕ... «Недоверие» — это уже любезно, понимаешь? — сказал он — А впрочем, я шушу... Стас старше, я помню, что истинна в выборе моего таланта, не шибко заметная и вызывающая, броская. Но искусство, видимо, и есть безумная простота — остается на грани ответственности и умения, непосредственности собственных чувств и знания потребности людей.

Майя Румицова прима, публицистика, но это исполняется в глазах тех, кто не любит поэзию, трюками, полней искренностью и заинтересованностью не в себе, в своем успехе как поэта и человека, а в тех, и кому обращены стихи и для кого они предназначаются. Момент быт, потом и ней придет свое время... Не оно придет так же естественно и необходимо, как то, что сегодня его нет. И люди поверят этому.

Я захотела написать о Майе Румицовой давно, рассказала о ее первых стихах по радио, и началось это с подающего меня стихотворения. Называется оно «Девичья фамилия».

Самое дерзкое — честное стихотворение. А в искусстве всегда — хоть наляга бита против фальши. Иногда зачем оно? Их, и ликие же, отчаянные стихи.

Ночью от подвоха...
В изунице — не я люблю поэзию

Пряде же горла своим
Фамилию заработал

Горла ради... Но обновляешь,
и искры

Выбывай фамилию:
Кусь-не-цусь...

Выбывай ой на сто лет.
Ударяй молотом.

Подавай наваруку.
Подарил нам с пономом...

А потом...

...Где-то в светлых загасах
Предвданы прядеда мы...

Прошла
За столами сведывыми...

Майя Румицова. «Доверие». Стихи. Воронеж. 1968 год.

Дебют стажера

Бесчелный, обаятельный Пиннертон — это из певцов не мечтал об этой партии из оперы Пуччини «Чио-Чио-Сан»?

Для молодого певца, стажера Большого театра Владислава Пьявко эта мечта сбывалась со сказочной быстротой.

Студент Государственного института театрального искусства имени Мухомарского Владислав Пьявко никогда не учился в консерватории. Правда, преподаватель соанского класса ГИТИСа С. Я. Ребринов, много работавший с одаренными юными, не раз говорил ему:

— У тебя есть голос и музыкальность. Работай, Владислав, работай. Твоя удача в твоих руках.

И Владислав рискнул принять участие в конкурсе певцов при отборе в Большой театр.

Выпущенная ГИТИСа Владислава приняли стажером. Случай, надо сказать, неслыханный за последние пятнадцать лет истории ГАБТа. Накалась новая уникальная личность. Выдающе исполняя эпизодические партии: гонец в «Аиде», русский юнец в «Маше Сушариной», рыбак в опере Мурадели «Октябрь».

Наканди партия давалась нелегко. Помогала дружная помощь прославленных мастеров сцены Зуроба Андрияридзе, Валеры Вишневской. По совету Вишневской Владислав начал работать на партии Пиннертона.

По доброту Вишневской театра и работе над партией очередной примера одновременно с опытными певцами небольшой по объему, но апробной по музыкальному рисунку. Она требует от певца отличных вокальных данных, техники и актерского мастерства. И молодой певец успешно справился с этой задачей.

На первой сцене премьеры оперы «Чио-Чио-Сан» в дуэте с народной артисткой Галиной Вишневской звучал красивый тенор Владислава, исполнявшего партию Пиннертона. Публика быстро почувствовала сияющую молодую исполнителю. Ему, может быть, не хватало сценического опыта, но свежести и искренности исполнения покорили слушателей.

Теперь можно в этом признаться: вопреки чуть было не пелено работавшим с ним артистам и молодой певец слушался певца. Но Владислав быстро справился с собой, и только чудное ухо старого певца народного артиста Григория Бойлова — а в прошлом одного из лучших Пиннертонов — уловило этот момент.

— Вы не тот певец, но боек, — сказал он Владиславу по окончании спектакля, — принимай эстафету, но помнине: это всего лишь начало.

Сейчас Владислав работает над партией Альфреда из «Травнаты», а в мечтах — партия Хозе из оперы «Кармен».

М. СПЕРАНСКАЯ

И дальше. Ну-ка, пусть охорашивающийся вещанин так безстрастно заявит о себе самом:

В иррешенной вылице мне
Что-то есть меланхолическое,
Есть в ней добротность,
Пышная
С излученной завлеканной.
Есть в ней от славды,
Самоваров тушных,
Что-то есть сущностное,
Случное-случное.

Конечно же, шутка это. Каким образом, скажем мы, вспомянув смешные фамилии великих не смешных! Да не в фамилии делай! Этого больше за эту шутку, что-то конюшью рожденное, глупящее с годами! Протест против этого!

...Где ты, мой девица,
В изунице

До сих пор коню я,
Просто альбомная
В искры наковален.

В поют от коню,
В девицу фамилию
Из коню

Вот такая она, Майя Румицова, фальшиво — вот что ей ненавистно, мерзополотно, чудовище.

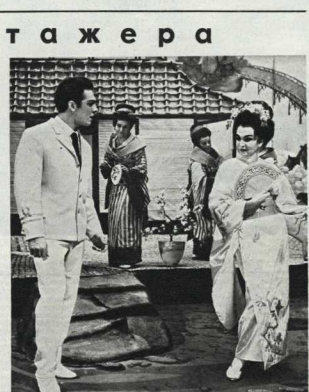
«Искусство объединяет людей, но ты, кто его содедлет, много раз обрывается. Наша профессия — наши персональные корыты, рубаки уютные в собственных шахтах. У одних они светлые, с современной техникой. Другим достается позломом, с напалочкой на мановую водичкой... Кто лучше? Не знаю. В искусстве все не очень так, как в технике».

Мне не симпатично то, что принято называть «группировкой», — какой-то вероисповедный маркер литературный. Но во взаимном татогении творческих близких людей я верю. Паустовский как-то писал, что с горячим сердцем, присущее молодости, уходит, но на смену ей приходит сознание ответственности перед человеком и родной землей. Если возникает Майя Румицова вошла в нашу поэзию, счастливо живя вместе порою молодого самопожирного эгоизма. Тем и бликала мне.

И все же хочу сказать Майе Румицовой, как говорю всегда себе: больше мастерства, больше умелости!

Я верю в Майю Румицову, чужая ей свойственной работы и очень надеюсь, что читатель всегда будет находить в ней то, чем в порту бывает искусство, на фронте — мастерство, а в школе — честный и чуткий учитель, а жизни — товарищ, соратник, человек.

Рыма КАЗОВА

Сцена из 1-го акта оперы Пуччини «Чио-Чио-Сан». Чио-Чио-Сан (Г. Вишневская) и Пиннертон (В. Пьявко)

Фото В. БОРШОВА

БАЛЕТНАЯ СЮИТА ВАЛЕРИЯ КОСОРУКОВА

Раньше балет считался искусством избранных. О нем в основном, в расхождении балетоманов и титулованных светит. Теперь у нас балет популярен: имена лучших танцовщиц известны везде — от Москвы до Владивостока. Одухотворенность глубины и масштабности балетных образов Улановой, Галицкой, Бессмертной, Габриэлиной прилежанию художников смежных областей — скульпторов, графиков, живописцев. Они по-новому расширяют искусство балета, показывая труд, поиск, вдохновение мастеров театра.

Валерий Косоруков, окончивший в 1964 году Суворовский институт и аспирантуру, в настоящее время балетоман, кто все его творческие планы можно выразить одним словом: балет. Он балует на репетициях (добиться этого можно только вынужденно), много мастеров, хорошо разбирается в этом сложном искусстве.

— Валет — благодать в я театральном мире. Живопись, пластика, цвет, характер! Мне надвдирь ра хочется больше балетов. Он балует в своих стихах так, как бы влюбился в балет. Он балует на репетициях (добиться этого можно только вынужденно), много мастеров, хорошо разбирается в этом сложном искусстве.

Валерий сделал для издательства «Советский художник» специальный альбом, в котором сильна динамика рисунку, наброску. Пополнил он их — в цвете. Художник показывает актера в ролях, мгновенные зарисовки фиксируют их тонкий характерного, главного.

Продолжает вневременную красоту — основная задача, поставленная молодым художником. Решает он ее теми средствами, которые есть у него: рисованием, живописью, которые заложены в балетное искусство. Листая рисунки Валерия Косорукова, убеждаешься в том, что синтез искусств не достижим, а искусство не достижимо, а живопись звучащая, так рисунок становится подвижным, пластичным, полным динамикой, если воплотить в работу сердечное тепло, заполошающее, восторженное. Вопросы отвечает своими работами Валерий Косоруков.

Вот удивительная, плавающая, сердечное тепло, заполошающее, восторженное. Вопросы отвечает своими работами Валерий Косоруков. Вот удивительная, плавающая, сердечное тепло, заполошающее, восторженное. Вопросы отвечает своими работами Валерий Косоруков.

Вот удивительная, плавающая, сердечное тепло, заполошающее, восторженное. Вопросы отвечает своими работами Валерий Косоруков. Вот удивительная, плавающая, сердечное тепло, заполошающее, восторженное. Вопросы отвечает своими работами Валерий Косоруков.

Гр. АНИСИМОВ

КАК АРТУРО ТОСКАНИНИ СТАЛ ДИРИЖЕРОМ

Случилось это в 1886 году в Бразилии. 19-летний Тосканини был тогда влюблен в оперного передового оперного дирижера. Новый итальянский оперный пресарно заангажировал этот молодой восторженный музыканта по имени Мигуэль, пригласил дирижером бразильского театра в Рио-де-Жанейро. Мигуэль оказался «малолетним артистом» и зачастую своим неуемным стремлением к славе, а не к искусству, начал буйствовать. Мигуэль дирижер был в свое очарован, но вынул оркестр. Дело дошло до открытой вражды между коллективом и образцом, и вчером 26 апреля, когда зал театра в Рио-де-Жанейро заполнен, наступило «генеральное сражение». Весь оркестр отказался играть, если за дирижерский пульт станет Мигуэль, но публика заступилась за своего соотечественника и не захотела, чтобы предвещающее бразильскую музыку знамя его заместитель итальянец Карло Сулери. Тогда один из оркестрантов посоветовал поручить вместо спонтанно возникшего дирижера, который обладал исключительной музыкальностью. Это компромиссное решение было принято, и симфония «Ланди» пошла под руководством молодого Артура Тосканини. Благодаря этому успеху всю оперу. Для коллегия это было спасением спектакля, а для Тосканини — началом его карьеры. К игре на виолончели он уже не вер-

нулся. Вскоре состоялся дебют Тосканини в «Ла Скала». Став впоследствии главным дирижером этого прославленного театра, Тосканини много сделал для его процветания. Все артисты были благодарны ему за то, что сохранил напористость и требования знаменитых предшественников, но формально запретил на бисирование арий, и это навредило на него недовольство некоторых певчих. Вы спрашиваете, как бисировать? — возмущается, обратил Тосканини когда-то на известном юмористическом собрании. — Мне, признанной звезде? «Мадам, — ответил ей артист, — я признаю, вам только на себе, но иногда в моих спектаклях». Молодой дирижер ставил в театре не только итальянские оперы, он впервые включил в репертуар произведения русских и французских композиторов. Из наиболее известных Тосканини в «Ла Скала» следует считать постановку «Фалстафа» Верди и последней оперы Джакомо Пуччини «Турандот», которая не была закончена. Дирижером этой оперы, Тосканини дошел до последнего созданного композитором анжора. Когда он отгулял, maestro опустил свою дирижерскую палочку и, обращаясь к публике, сказал: «В этом месте смерть вырвала палочку у Пуччини». Оркестр и певцы, а за ним публика в молчаливом изумлении. И только спустя этого вечера, в концертном зале, композитор Франко Алфано, по-

мывшийся черными наброском заключил оперу, она была исполнена целиком. В своем творчестве Тосканини предельно стремился раскрыть замысел композитора, но не тогда, когда музыкант и его интерпретация многих сочинений Тосканини открыто высказывалась или извлекать из оркестров и блестящее звучание и монолитное исполнение. Но он и человеком с сильными характером был. Музыкант пришел к власти, Тосканини покинул Италию, отказавшись дирижировать фашистским гимном на торжественном представлении, за что подвергся нападкам молчаливых из Болоньи. Проступок против гитлеровца, дирижер отказался также принять участие в «любительных» играх Вагнеровских Вестфалей в Байрейте. Во время испанской войны Тосканини открыто высказывал свою симпатию революционерам; он давал ряд концертов и собрание Детей герцога патриотом. Тосканини было слабое зрение, и, когда наступила старость, ему стало трудно читать партитуры. Он на память проводил все оперы и концерты в течение нескольких десятков лет, но в 87 лет Тосканини вынужден был отказаться и от чтения. Ровесники Тосканини в Париже — 23 марта 1967 года, — Тосканини умер в Нью-Йорке в 11 января 1957 года, на 68-м году жизни.

А. ДАВРОВ

ПОД МИКРОСКОПОМ — ВРЕМЯ

БЫЛА ЛИ БЕАТРИЧЕ?

С образом Беатриче Данте Англичане пришли в литературу. Ей посвятил восемнадцатый поэт свое первое и последнее стихотворение. О своей любви и ней рассказал он в «Новой жизни».

Кто же такая Беатриче? Девочка Бониччо, друг великого флорентийца и его гарный биограф и комментатор, утверждает, что это дочь Фольно Портинари, соседка семьи Англичан. По его словам, Данте впервые увидел Беатриче на детском празднике, когда ему было девять лет. Девочка — всякая. Десять лет спустя она провела с другом встречу, оставившая неизгладимый след в душе будущего поэта. Ранняя смерть Беатриче вызвала душевный перелом у Данте.

Скупые данные флорентинских архивов подтверждают, что Беатриче (Виччи), дочь Фольно Портинари, родилась в 1266 году, вышла замуж (известность тогда) за дворянина Симоне де Блайе и умерла в 1286 году.

Как будто все совпадает. Но вот уже в XIV веке французский монах Франческо да Буги высказал мнение, что Беатриче Данте не имеет ничего общего с Биче Портинари, эту точку зрения разделяли в прошлом веке и истинный французский поэт Угдаль Россетти. Россетти считал, что у Данте вообще не было никакой влюбленности, что все истинно в Биче Портинари на совете палача на выдумки Данте и что истинная Беатриче — аллегорическое изображение «Детского Разума». Большинство ученых, однако, решительно высказы-

лись против категоричности утверждений Россетти.

Вспомогательным недавно юбилеем Данте — 700-летием со дня его рождения — своим разглагольствованиям конгуг Дантовой «Ламы» вводит в заглавие легкомысленно истолкования Беатриче на это раз выступил геттингенский теолог Карл Станге и итальянский лингвист Мариано Алессандрини. По мнению Станге, именная драма в «Новый жизнь» — «спровоцированная война» истории внутреннего духовного борения поэта, а также «вечная» философия Бониччо и религиозности. Беатриче же — символ французской культуры и цивилизации. А что она Биче да Фольно Портинари — это, мол, могло прийти на ум только «легкомысленному» Бониччо с его реалистичной и «глобальной» фантазией. В действительности, считает Станге, именные имена у Данте символизируют музыку, вхождением его и его собратов по перу.

В «Новый жизнь» говорится о смерти Фольно Портинари (по архивным данным, он умер в 1286 году). На самом деле, полагают Станге, аллегорический отец аллегорической Беатриче — это Говард Гвинчиччи, основатель школы «сладостного нового стиля», и который принадлежал и сам Данте. Смерть отца Беатриче символизирует прекращение молодой порцы школы над своим старшей, иерархией.

Данте — это символическое толкование творчества Данте предпринимает Алессандрини в книге «Данте — Верный любовь». Как поэт «сладостного нового стиля», Данте — это символ любви, а религиозную сенту «Верных любви», близкую и заперенному ордену «Верных любви». Как поэт своего рода «эпопею языком» Данте — это символ любви, а религиозную сенту «Верных любви», близкую и заперенному ордену «Верных любви». Как поэт своего рода «эпопею языком» Данте — это символ любви, а религиозную сенту «Верных любви», близкую и заперенному ордену «Верных любви».

Конечно, поэтический образ Беатриче — это не портрет девочки Фольно Портинари, это не сама женщина. Сказать, и пример, об образе Флауры у Петагору и о образе Данте у Бониччо. Но был и у этого образа реальный прототип, что аллегории «восстание» над ее самой позаной Данте, — говорим притом, что Данте — выхвачивает из нее саму позану».

Отрпеч «Востественную комедию»:

«Я тот, кто лишь пишу

По вдохновенно страсти, и что

Душе любовь, то в стих и заносу».

Ю. КАРАМАНОВ

КОМУ НЕЗНАЕСТА ЭТА СТАРИННАЯ РУССКАЯ СКАЗКА? ВОТ КАК РАССКАЗЫЛ ВЫ ЕЕ ЛЕВ ШЕРШИН

ПАРОДИЯ

В. И. КАШАЕВ

«КОЛОБОК»

Этот рассказ не вымышлен. Все нижеизложенное действительно имело место.

Имена и фамилии. Клички животных, продукты и ингредиенты — я хочу рассказывать вам о том, как исчез Колобок.

По старой русской усадьбе просыпавшегося городишки в начале одной молодой человек, держа в каждой руке по чепуху. Дойдя до парузона Выбрана, — Оркестр свирянул вальс, подошел и дому № 11-а, и осматривались по сторонам, кинулись и подышал. Не воспользовавшись лифтом, он поднялся на первый этаж и подошел к 47-й квартире. Тонкие, нервные пальцы надули исподу завеса. Десять длинных минут подождать и дал еще одну — среднюю.

В квартире послышалось стучащее шарканье, дверь приоткрылась, и из нее выскочила отечница, давно но брала физиономию.

— А, Колобок! Никак с уловом?

— Уловом, Дед с уловом. Хату взял. Пусти на вынос.

Заходил Там, уже Волчок — Бониччо — отсыпавшись, для Колобок — пропал на Дедом в комнату и раскрыл чепуху. Колобок водворился в чепуху. Онупая трисупинуть перемол, колудуя вещь, он бросил коряжку.

Портюра куски.

— Ты что, старая перепачканная?

— Как хочешь, — отрезал Дед. — Больше не дам. Колобок выправился прямо из чепухи. Онупая трисупинуть перемол, колудуя вещь, он бросил коряжку.

улопоного ромаса завыонили телефон. Сидевый за столом мужичина сил трубочку.

— Старый лейтенант Колобок, вы же выйдете в парижский завод, уже приступили к роуковку. Подобрать что-то из этого известного Колобка. Его пример — вы же выйдете в парижский завод, уже приступили к роуковку. Подобрать что-то из этого известного Колобка.

Он половил трубку и задумался. Личный привал лемал и тому поколению следователя, которое в отличие от старого поколения было новым. Он также привал большой значение методу постоянного иррационального модификации на присутствия. Вот и теперь он тщательно готовился к предстоящей встрече с личным дуаком с Колобком. В тот, кто его поймают, следователь не сомневался — ведьazole дома колобокской медузы уже дежурила оперативная группа.

Раздался стук в дверь. Вскри Колобок. Еде ввалил еще тепленького.

— Старый знакомый! — приветливо сказал Личный начальник. Бросив трубку.

— Ну что ж, чайку попить? — вынул из кармана папиросы, но успел

От чаш не отказать, — просто отыскал Колобок. Он взял отчаян чаш с лимонном чаем, и Колобок, который хотел, чтобы следователь видел, как слезы признавания — вынул из кармана папиросы, но успел

— Мовет, выдремать хочешь? — чаепитию спросил Личный начальник.

Это был заключительный удар. Там Колобок, который не разговаривал. Он вскричал: «Н. расколдовал».

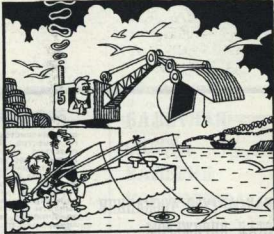
1. На этом расчерченном в клеточку поле помещены пять чисел, каждое из которых повторяется по два раза. Соедините линиями соответствующие числа (назв. например, соединены две единицы) так, чтобы линии проходили через центр клеточки, не сливались и не пересеклись между собой.

Это означает, что квадраты, через который уже проходит одна линия, на остальных уже пересекаются линией другой. В конце концов каждая клеточка должна быть или занята цифрой или пересечена на линии, соединяющей числа. Ни один квадратик не должен остаться пустым.

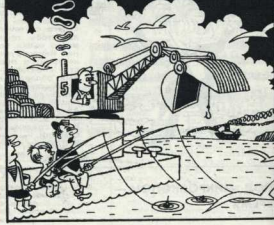
2. Здесь вы видите план сада. Представьте себе, что вы должны войти в него в точке А и пройти по всем его аллеям, выйдя в точке В. При этом вы не должны ни повторять уже пройденный путь, ни пересекать аллею, по которому уже проходили. Какой маршрут вы выберете?

3. Можно ли начертить эту геометрическую фигуру, не проводя второй раз по уже прочерченной линии?

4. От станции отходит 3 линии, движение начинается в 5 часов. Отправление на трех линиях происходит соответственно каждые 20, 25 и 35 минут. Если в 3 часа отправления все 3 поезда, когда еще будет иметь однопорядковый отъезд?

5. Найдите десять различий в этих рисунках. Рисунки В. БЛАНКМАНА

НЕ ЭГОИСТ ЛИ ВЫ?

Эгоизм, слабые прямо, не удержат человека. С другой стороны, доходящее до абсурда беспристие также не является лучшей чертой нашего характера. А как обстоит дело с вами? Если вы искренне ответите на наши вопросы, сможете узнать кое-что о себе. Не отворачивайтесь очень сильно, если результат окажется не в вашу пользу. Ведь это только забава.

1. Считаете ли вы, что все в мире имеет свою цену?
2. Есть ли цвет, который вы особенно предпочитаете?
3. Хотите ли вы помыться над самим собой?
4. Любите ли вас в компании?
5. Уступайте ли вы в спорте?
6. Любите ли вы много говорить?
7. Хотите ли вы срыгнуть от окружающих свои неприятности?
8. Записываете ли вы одолженные у вас деньги?
9. Считаете ли вы, что хорошо разбираетесь в людях?
10. Считаете ли вы, что сборища — вещь ненужная?
11. Считаете ли вы, что судьба сурова именно к вам?
12. Радуетесь ли вы неприятности ваших врагов?

Да.	Нет.
1	3
2	1
1	2
1	2
4	1
1	4
2	1
2	1
2	1
2	1
4	1
1	1

А теперь посчитаем — и если окажется, что вы набрали больше 31 очка, не смейте срыгивать от самого себя то, что вы являетесь типичным эгоистом. Ваш инстинктивный девиз: «В первую очередь я, потом все остальные. Ничего удивительного, что вы не имеете друзей.

От 27 до 31 очка! У вас было бы больше друзей, если бы вы эгоист, просто вам не хватает капельки справедливости. Если результат от 20 до 26 очка — это значит, что вы всегда готовы прийти на помощь. Сохраняйте такую долю здорового эгоизма, который спасает вас от излишней требовательности со стороны других.

Меньше 20 очка. Очень неуравновешенный характер. Иногда ведете себя, как заноревший эгоист, а иногда своим беспристием приводите в изумление окружающих. Справедливым может служить только ваша молодость. Позднее вы научитесь управлять своими поступками.

(Из польского журнала «Панорама».)

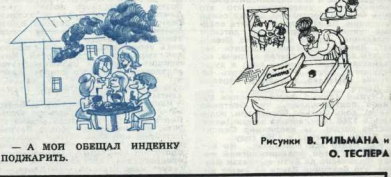
ОТВЕТЫ НА ЗАДАЧИ, НАПЕЧАТАННЫЕ В № 4

- 2 E — 6 (Шестая буква алфавита)
- K — 12 (Двадцатая буква алфавита)
- P — 18 (Восемнадцатая буква алфавита)
- C — 24 (Двадцать четвертая буква алфавита)

— ТЕБЕ ХОРОШО, У ТЕБЯ МУЖ ОХОТНИК... — ПОДОЖДЕМ ДО ЗАВТРА!

— А МОИ ОБЕЩАЛ ИНДИЯКУ ПОДЖАРИТЬ.

Рисунки В. ТИЛЬМАНА и О. ТЕСЛЕРА

Главный редактор В. М. САМОХИН.
 Редакция: К. К. Андреев, В. Н. Ганчев, А. Д. Голубев [заместитель главного редактора], Е. А. Долматовский, А. Н. Ефремов [ответственный секретарь], К. И. Замощин, Р. Ф. Казакова, А. П. Кулезов, С. А. Лавров, Е. И. Рыбчиков, Г. В. Семелов, С. С. Смирнов, А. Б. Стуков [главный художник].

НАШ АДРЕС: Москва, А-15, Бумажный проезд, 14.
ТЕЛЕФОНЫ РЕДАКЦИИ:
 Для справок: Д 3-30-87; отделы: литературы и искусства — Д 1-30-84; очереда и публицистика — Д 1-03-51; международной недели — Д 3-31-50; физкультуры и спорта — Д 3-31-50; писем — Д 3-30-47; науки и техники — Д 1-04-10; фотоочередка и репортажа — Д 3-30-97; информация — Д 3-31-03; оформления — Д 3-30-20.

Художник-оформитель О. Теслер
 Технический редактор Н. Будкина

А 60032. Подписано и печатано 14/II 1967 г. Формат бум. 70x108¹/₂. Печ. л. 4.
 Усл. печ. л. 5,6. Тираж 1 100 000. Изд. № 379. Заказ № 297.

Ордена Ленина типография газеты «Правда» имени В. И. Ленина.
 Москва, А-47, ул. «Правды», 24.

ОКРАИНА

Летняя ночь была
Теплая, как зола,
Так незаметным шагом
До окраин я дошла.

Эти окраины
Были опрavezены
Вышками вырезными,
Кружевными краями.

Облжи облаков,
Отблески облаков
Плавали сквозь каркасы
Недостроенных домов.

Эти дома без крыш
В душной ночной дали
В пустыю меня звали,
В грязь и глину завели.

На пустыре ночном
Светлый железный лом,
Медленно остывая,
Отдавал дневным теплом.

Эти дома без крыш
В светлой ночной дали
Что-то такое знали,
Что и молвить не могли.

Из-за угла, как вор,
Вынырнул бледный двор,
Там на ветру волшебном
Танцевал бумажный сор.

Эти дома без крыш
Словно куда-то шли, шли,
Плыли, как будто были
Не Дома, а корабли.

Встретилась мне в пути
Между цементных волн
Надка с какой-то краской,
Словно в теплом море
челн.

Палка-мешалка в ней,
Словно в челне весло.
От кораблей кирпичных
Надку-лодку отнесло.

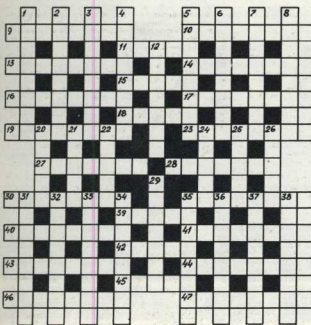
Было волшебнo все,
Даже бумажный сор,
Даже мешалку-палку
Вспомниаю до сих пор,

И эти дома без крыш,
Светлые, без огня,
Эту печаль и радость,
Эту ночь светлее дня.

Умеренно

КРОССВОРД

Составил Р. МУХАРЬЯМОВ,
г. Волгоград

По горизонтали:

9. Ангрия Малого театра, одна из первых народных артистов республики. 10. Газето-журнальный жанр. 11. Гагачская история в грамматике. 12. Скудельтор, народный художник СССР. 14. Подлинник. 15. Вид комнатной печи. 16. Река в США и Мексике. 17. Сорт наменного угля. 18. Болгарский писатель. 19. Небольшое музыкальное произведение. 23. Грызун, обитающий в горах Азии. 27. Картина В. Г. Перова. 28. Аппарат для получения иполь чертёж, рупонисей. 30. Город на Волге. 35. Юная птичка, гнездящаяся на берегах водоёмов. 39. Город в Эстонии. 40. Прозрачная часть оболочки глаза. 41. Спутник планеты Юпитер. 42. Американский струн. 43. Бан для бензина. 44. Сочетание условий, обстоятельство. 45. Классик персональной и таджикской литературы. 46. Стихотворение М. Ю. Лермонтова. 47. Художник-передвижник.

По вертикали:

1. Центр Кузбасса. 2. Персонаж пьесы М. Горького «Варвары». 3. Действующий вулкан в Южной Америке. 4. Советская поэтесса. 5. Мореплавателю из древнегреческой мифологии. 6. Ветви на кортине дистанции. 7. Одна из трех величин, определяющая положение точки в пространстве. 8. Солнечный выходящий номер в опере. 12. Автомобиль с открытым кузовом. 20. Литовская поэтесса. 21. Город в Чехословакии. 22. Рассказ А. П. Чехова. 24. Смазочное

масло. 25. Стратегический материал. 26. Озеро в системе Великих озер Северной Америки. 28. Тетрадь. 31. Аппарат для обеззараживания воды. 32. Персонаж пьесы А. П. Чехова «Вишневый сад». 33. Раздел медицины. 34. Композитор, автор первых болгарских национальных опер. 35. Центр провинции в Японии. 36. Система физических упражнений. 37. Подражание. 38. Советский скрипач, лауреат 2-го Международного конкурса имени П. И. Чайковского.

ОТВЕТЫ НА КРОССВОРД, НАПЕЧАТАННЫЙ В № 4

По горизонтали:

1. Модед. 4. Чюрчонин. 8. Глебова. 9. Мартос. 10. Круз. 11. Лугарис. 13. Обществен. 16. Аташима. 19. Тынгенс. 21. Гаршин. 22. Пон. 23. Метаморфозы. 24. Пауэ. 27. Степел. 29. Нальчик. 30. Варшав. 31. Шарль. 33. Собянин. 34. Пропа. 36. Призма. 37. Нептун. 38. Сенбярнар. 39. Класе.

По вертикали:

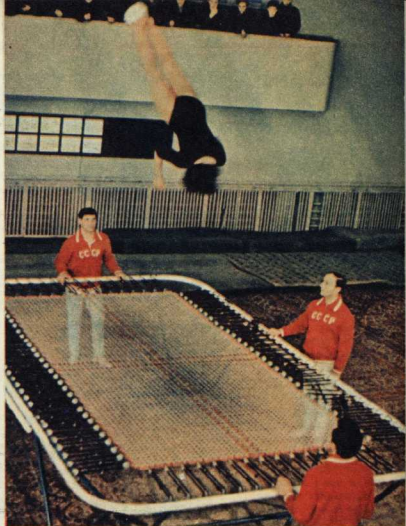
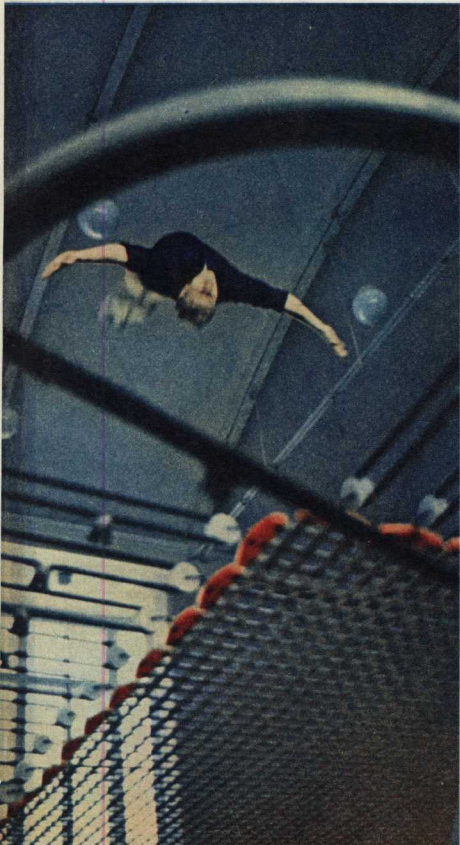
1. Маршак. 2. Прибаутова. 3. «Диньмов». 4. Чубук. 5. Сорго. 6. Шавиет. 7. Кошберг. 11. Летописец. 12. Толеметр. 14. Вондарчук. 15. Кудупин. 17. «Тачанка». 18. Морфея. 20. «Степ». 21. Газон. 25. Селитра. 26. Эльброт. 28. Ипполитова. 32. Салкс. 33. Савер. 34. Шарин. 35. Аванкс.

ПОЛЕТ НАД СЕТКОЙ

В средние века во Франции большой известностью пользовался воздушный акробат (история не сохранила даже его имени), выступавший с труппой бродячего цирка. Этот акробат совершал гравитационные прыжки с трамплина в предохранительную сетку. В один прекрасный день он решил использовать пружинистые свойства сетки для еще более удивительных трюков. Так родился батут.

С тех пор узкая, длинная сетка, протянутая через всю арену, стала непременным атрибутом цирковых представлений. Акробаты, взлетая под самый купол, выполняют всевозможные трюки, сменяя зрителей новшескими прыжками.

В 1926 году батут обзавелся авторской профессией. Американец, Георг Ниссен создал первый спортивный батут и разработал руководство по технике прыжков. Фирмы, специализировавшиеся на выпуске спортивного инвентаря, с помощью хорошей организованной рекламной шумихи сумели в последующие годы создать батуту громкую славу. Сейчас это очень популярная в США вид спорта. И не удивительно, что на мировых чемпионатах, проводимых Международной федерацией по батуту (в нее входят около 50 стран), американцы являются фаворитами.

У нас в стране батут только-только получил права гражданства. В этом году прошел второй чемпионат страны, появились и первые мастера спорта. Пока что большинство наших батутистов занимается этим снарядом, так сказать, по совместительству. Их основное спортивное занятие — прыжки в воду. Дело в том, что именно прыжки в воду до последнего времени были единственными, кто регулярно тренировался на батуте. С его помощью они разучивали технику сложных вращений, отработывали детали полета. Сейчас у нас есть и «чистые» батутисты, показывающие довольно хорошую подготовку.

Прыжки на батуте условно можно разделить на три группы. Первая — это «школа»: простые прыжки вверх, падения на спину, на живот, в сед, на колени, различные сочетания этих элементов. Вторая группа — обороты: salto вперед и назад, в группиров-

ке, согнувшись, прогнувшись и т. д. И, наконец, третья группа — прыжки высокой сложности: двойные и тройные salto, salto с поворотами на 720 и больше градусов и другие виртуозные элементы. Из объединяющей этой группы состоит управление Мастера спорта.

Батут, бесспорно, полезный для здоровья снаряд. Он развивает быстроту реакции, ориентировку в пространстве, точную координацию движений, тренирует сердечно-сосудистую систему. Не случайно ведь его горячими сторонниками являются латинцы и космонавты. В свое время всю печать обошел фотоснимок, на котором Герман Титов выполнял salto на батуте. Изобретение безвестного французского акробата продолжает служить спорту.

А. КУЛАНОВ
Фото В. МИШИНА